

Марина Брагина

Метафизика души

Марина Брагина
Метафизика души

«Издательские решения»

Брагина М.

Метафизика души / М. Брагина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967773-0

Как это — судьба сложилась? Кто её складывает? Как смерти нет? А похороны? А душа — это что? Ответы на эти и другие вопросы ищет героиня повести — эстрадная певица Танюшка, пытаюсь разгадать серию загадочных смертей. Кирилл, её избранник, принц на белом коне, периодически превращается в монстра. Счастье и несчастье, любовь и слёзы, страсть и равнодушие, поиск себя, прогулки в «Зазеркалье», где всё происходит само собой и ни о чём не нужно волноваться, — всё это есть в книге. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967773-0

© Брагина М.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Глава 1.	7
Глава 2.	12
Глава 3.	16
Глава 4.	23
Глава 5.	26
Глава 6.	32
Глава 7.	40
Глава 8.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Метафизика души

Марина Брагина

Редактор Ольга Нуждова

Корректор Вера Вересиянова

© Марина Брагина, 2019

ISBN 978-5-4496-7773-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Молодой писатель это не обязательно молодой человек, но обязательно человек с молодой душой, способной любить, радоваться, страдать и ненавидеть.

Марина Брагина – человек с опытом. У нее за плечами и работа преподавателем английского языка (она окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореца), многолетняя активность в коммерческой структуре и более, чем десятилетний опыт в журналистике и в общественной деятельности.

Член Союза журналистов России. Имеет более 150 опубликованных статей и фоторепортажей. Особое место в ее жизни занимает Индия. Будучи членом исполкома «Общества культурного и делового сотрудничества с Индией», она предприняла 7 путешествий в эту страну, побывав почти во всех ее уголках. Толчок к познанию ей дал известный индолог, доктор филологических наук, Александр Сенкевич.

В 2017 году, в издательстве «Литературная учеба», в соавторстве с Игорем Самбором вышел её первый роман «Неформат». Прежде всего, это роман о любви.

Одновременно, эпопея об ушедшей эпохе 70-х – 2000 г. В настоящее время бумажная версия произведения продается во многих книжных магазинах Москвы.

Глава 1. Ну вот, всегда так!

– Куда вы, девчонки? – После успешно сданного экзамена Танюшка, искрящаяся от наполнявшей её радости, вошла в комнату поделиться впечатлениями с соседками и остановилась в недоумении.

Девчонки, уже наряженные в свои лучшие платья, дружно подкрашивали ресницы, весело отталкивая друг друга от единственного маленького зеркала над обшарпанным столом.

– А тебя это не касается – туда мелюзгу не пускают! – шутливо ответила Лариска. – Мы на танцы, в парк.

– Подождите чуток, я мигом соберусь!

Да куда там! Подружки, так же пересмеиваясь и дурашливо толкаясь, выбежали из комнаты. Танюшка подошла к окну. У входа в общежитие стояли парни из моторки, закуривая сигареты и прищуриваясь от едкого дыма. Две компании соединились и направились в сторону парка Ленинского комсомола.

Танюшка смахнула слезу и присела на краешек кровати: «Вот, всегда так! Почему меня малышня все считают? Мне уже почти семнадцать». Горестно вздыхая, она переделалась, благо запасное платье у неё было – мамка с детства её обшивала. Вот с обувью плохо – не достанешь красивых туфелек на каблуке тридцать третьего размера. Приходилось в детских магазинах обувь подбирать, а там известно что – сандалики да ботиночки. «Ну и ладно, – утешала себя Танюшка, – сама буду гулять, и не нужны вы мне вместе с вашими ухажёрами, которые всё норовят облапать, да ещё и целоваться лезут своими сигаретными ртами! Фу, гадость!» – Глядя в зеркало, она сморщила свой носик, усыпанный весёлыми веснушками. Благо конкурентов посмотреть уже не было.

В Херсоне самым популярным у жителей всех возрастов был парк имени Ленинского комсомола, там же и танцевальная площадка для молодёжи, а рядом, на Перекопской, – Дом офицеров. Но туда попасть девчонки из общежития даже и не мечтали – довольствовались танцплощадкой.

В парке её ждал сюрприз – открыли деревянный мост через Лебединое озеро, и люди валом валили полюбоваться невиданным зрелищем: посреди озера забил фонтан, а вокруг, гордо вытянув шеи, плавали белоснежные лебеди. Танюшка пробилась к парапету и замерла – струи фонтана подсвечивались и переливались, а, падая на поверхность воды, превращались в россыпь драгоценных камней. «Прямо как в сказке», – подумала Танюшка, не в силах отвести глаз от этой картины. В водяных брызгах даже лебеди, к которым все давно привыкли, превратились в сказочных героев и плавно двигались вокруг фонтана, как в замедленном кино. Она вдруг перестала слышать людской гомон, и полилась музыка. Что это? Отрывистые, трепетные и робкие аккорды гобоев и кларнетов, словно лёгкая зыбь на зеркале воды. Как же она раньше этого не понимала, когда слушала музыку Чайковского? А на фоне этих отрывочных звуков – мелодия скрипки, несущая радостную надежду на то, что и в её жизни когда-нибудь появится прекрасный принц.

Танюшка отошла от парапета, унося в душе и картину из сказки, и прекрасную музыку. Она чувствовала себя Одеттой, заколдованной злым волшебником. Но настанет день – и она превратится в прекрасную лебёдку, и он обязательно придёт, её принц...

Незаметно для себя она оказалась в полутёмной безлюдной аллее, освещаемой только тусклыми фонарями. Вдруг всё вокруг – и деревянная скамейка, и кусты боярышника за ней, и огромная липа – задвигалось, приветствуя её. Что это? Откуда этот холодный свет? Она посмотрела вверх – ну конечно, луна, просто взошла луна. Но тут её руки взмывают вверх, как

крылья лебеда, и двигаются, летят под музыку, которая всё ещё звучит в голове и вырывается наружу: та же тема, что и у озера, только теперь ведёт виолончель, а за ней ярко и трепетно вступают скрипки. «Это же „Песня любви“», – вспоминает Танюшка не раз слышанную тему из балета, и её руки летят ещё быстрее, а музыка становится громче, расцветает богаче и ярче. В изнеможении от переполнивших её чувств она падает на скамейку.

– Здорово у тебя получается! – Мужской голос раздался из ниоткуда, из темноты, как будто из неостывшего ещё июньского воздуха. – Ты танцовщица?

Танюшка вздрогнула: «Этого только не хватает! Кто это? – Она завертела головой по сторонам, но никого не увидела, подумав: – Может, померещилось? Или это демон с чёрными крыльями летает надо мной?»

– Да не бойся, я смиренный. – В круге света показалась фигура морячка в белой парадной рубашке. – Пойдём провожу. Поздно уже. Вдруг кто обидит? Бывает, по парку шатаются подозрительные личности.

Танюшка стояла в нерешительности, не понимая, что делать: то ли бежать, то ли поверить незнакомцу. Но тут послышались свистки сторожа, и она быстро пошла вместе с морячком в сторону выхода:

– Ты знаешь, здесь, где мы идём, когда-то барахолка была? – продолжал незнакомец, когда за ними закрылись массивные ворота парка.

– Нет, я не местная – учиться приехала, в музыкальное училище. А что?

– Да ничего, историю вспомнил смешную – с моим батей случилась. Рассказать?

– Давай, конечно. – Танюшка вздохнула с облегчением. Страх улетучился вместе с лунной дорожкой в парке.

Морячок откашлялся, как будто собирался на экзамене отвечать, подумал немного и начал:

– Мой отец сюда в сорок седьмом приехал со своими родителями. Голодно ещё было после войны. Ну, его сразу в мореходку отдали, на штурмана учиться. Я, кстати, тоже штурманом буду, вот. Династию, так сказать, продолжу. Мореходка наша с историей – аж в девятнадцатом веке создана, – престижная к тому же, туда непросто поступить. И свои законы существуют, неписанные, так сказать, – из поколения в поколение передаются. Так вот, один из законов – не воровать. Если кого за этим занятием застукают – отменят так, что костей не соберёшь! Так было, так есть и так будет, аминь! – Он картинно вознёс руки к небу. – Так вот, встаёт батя утром – одеться надо за секунды, как в армии. Хвать, а штанов-то и нет! Форменных – он за них на складе расписывался. Нет – и всё! Всю комнату облазил, думал, ребята подшутили, – не нашёл. Вот, без штанов, зато в шляпе, то есть в бескозырке, так сказать, пошёл на доклад к начальству. Ребята ржут, как кони перед выездкой, а батя готов сквозь землю провалиться. Старший объявляет аврал, и все начинают искать – а у них принято было все вещи известью помечать изнутри, чтобы не перепутать. В общем, всем курсантам пришлось штаны снимать и метку предъявлять, представляешь?

Танюшка уже хихикала в кулачок:

– Так и всем? Что же они, все без штанов стояли?

– Нет, не все, постепенно – класс за классом. Короче, общий шмон устроили и по спальням, и по классным комнатам, и даже в камбузе все кастрюли перевернули. Нет штанов – и баста! Пришлось бате в своих, гражданских, ходить людям на смех. Запасных не было – время тяжёлое. А в выходной приходит он домой и видит, что на отце *его* штаны, – он их сразу узнал по пятнышку от машинного масла. Проверили с изнанки – точно, его.

– Как так? – всполошилась Танюшка. – Собственный отец спёр?

– Нет, конечно, мой дед – честнейший человек. Чужого даже под расстрелом не возьмёт, а тем паче у сына. К тому же штаны в казарме пропали – его там не было. – Морячок замолчал, испытующе глядя в Танюшкино растерянное лицо. – Ну, какие версии?

– Подбросили, может? Пошутили так...

– Ага, украли ночью штаны, добежали до батиного дома, подбросили, а его отец – мой дед, стало быть – взял утром да надел, и носит с удовольствием!

– Ну, тогда не знаю, – растерянно развела руками Танюшка.

Морячок торжествующе посмотрел на неё:

– Я же не зря тебе вначале про барахолку сказал. Связь улавливаешь? Вот-вот... Отец их там и купил у какого-то мальчика нерусской внешности. В общем, договорились с начальником училища, что дед сядет у окошка второго этажа, которое на столовую выходит, и будет смотреть на курсантов, чтобы узнать продавца с барахолки. Начальник с удовольствием разрешил, чтобы быстренько отчислить виновного и избежать самосуда. Такие случаи бывали: из окна второго этажа воришек выкидывали.

– Ой! – Танюшка испуганно прикрыла рот рукой. – Прямо так из окна? Они хоть живые были после этого?

– Ну, как повезёт. При мне такого уже не было, а рассказы ходят довольно страшные. Ну, не буду тебя пугать. В общем, узнал дед воришку. То ли татарин, то ли узбек – врать не буду.

– И? Как же с ним поступили?

– Представляешь состояние моего бати – что он чувствовал, когда без штанов, в одних трусах целый день ходил под гогот остальных? В общем, не успели выгнать – отметелил его так, что тот в реанимацию попал. А бату из училища чуть не отчислили за самосуд.

Танюшка остановилась:

– Зачем же он так? Из-за штанов каких-то чуть человека не убил! Я бы точно отчислила, если бы начальником была. – Её лицо стало суровым, как будто она и вправду начальник училища.

– Ишь ты, строгая какая! – усмехнулся морячок. – А если бы тебя голышом по всей твоей музыкалке заставили бегать? Ты бы весело захлопала в ладоши?

– Ну нет, конечно. Но драться... Это так неправильно. Сказал бы ему, что так не делают...

– Ага, и пальчиком бы погрозили, как в первом классе. Нет, милая, есть мужские дела и мужские разборки. Женщинам не понять.

– Так что с батей твоим сделали? Выгнали?

– Как же его выгонишь, если он на доске почёта висит (кстати, до сих пор), и отличник по всем дисциплинам, так сказать. К тому же в футбол за училище играет и суда лучше всех водит. Кстати, не дрался никогда ни до, ни после этого случая. Вывел его этот несчастный воришка из состояния равновесия – он и не сдержался.

Они не заметили, как уже стояли у дверей общежития. Танюшка хотела было попроситься с морячком, но увидела соседку Лариску – та неслась стремглав, вся растрёпанная, всхлипывая на ходу и размазывая чёрные потёки под глазами. Танюшка мгновенно забыла про морячка и помчалась за Лариской.

– Эй, – он только успел крикнуть ей вслед, – как тебя зовут-то?

Танюшка не оборачиваясь ответила и, даже не поняв, услышал он или нет, юркнула в дверь. В комнате она утешала рыдающую на весь этаж подругу, принесла ей стакан воды и выслушала сбивчивый рассказ о наглеце Витальке, который после танцев завёл её в кусты и чуть не изнасиловал.

– Представляешь, под юбку залез и ещё спрашивает: «Чё эт ты в трусах? В нашей компании все девчонки сразу без трусов на танцы приходят, готовенькие...» – От этого воспоминания её снова заколотило, зубы застучали о стакан, и она забилась в очередном приступе истерики, приговаривая: – А на вид такой приличный, под ручку ходит!

Танюшка вся сжалась в углу кровати, представляя тот ужас, который пережила Лариска, и подумала: «И со мной ведь то же самое могло случиться. Хорошо, морячок приличный оказался, а то рыдала бы, как эта несчастная».

Морячок и вправду оказался приличным – на следующий день подждал Танюшку у общежития. Она даже вздрогнула от неожиданности, увидев его ладную фигуру.

– Ой, а ты что тут делаешь, мимо проходил? – как бы подсказывая ответ, воскликнула Танюшка.

– Да нет, тебя поджидаю, – простодушно ответил морячок. – Меня Романом зовут, а ты Татьяна, я правильно расслышал? А то унеслась, как ураган, не попрощались толком.

– Да и не познакомились к тому же.

– Это точно. Значит, у нас всё впереди.

Услышав эту фразу, Танюшка вспомнила Лариску, задыхающуюся от слёз.

– А что впереди, что ты имеешь в виду? – настороженно спросила она.

– Как что? Пойдём куда-нибудь, например...

– А куда? – подозрительно поинтересовалась Танюшка. – В парк?

– Можно и в парк, если захочешь. Я, вообще-то, хотел тебя в кино пригласить.

– А в какой кинотеатр?

– В «Юбилейный», например...

«Ничего себе примерчик! – подумала Танюшка. – Кинотеатр только построили, все туда рвутся на любой сеанс, чтобы посмотреть, что там внутри. Билеты достать невозможно ни на что. А он так обыденно: «В «Юбилейный», например...» Вслух же она произнесла при- творно равнодушно:

– Это тот, что в немецкой фуражке?

– Да-да, смешно ты сказала – у него крыша и вправду на немецкую фуражку похожа.

– А что там идёт?

– Да идёт ерунда какая-то, старые киношки крутят. Я-то тебя приглашаю на закрытый показ – новый фильм из Москвы прислали всего на один день, неофициально. Название забавное – «Белое солнце пустыни». Его в Москве ещё только начинают прокатывать, а до нас очередь ещё не скоро дойдёт. Кто-то из Херсонского обкома партии посодействовал – говорят, тот, что за агитацию и пропаганду отвечает. Я толком не интересовался. Главное, что мне батя приглашение принёс на два лица. Вот я и подумал, что, может, ты этим вторым лицом и будешь.

– А можно я буду первым, а ты вторым? – заулыбалась Танюшка.

– Можно, но не сейчас. Там моя фамилия фигурирует.

Танюшка помчалась в комнату переодеваться. Девчонки, заметив, что она надевает своё лучшее платье и неумело пытается накрасить губы, дружно захихикали:

– Ты куда намыливаешься? Для утренника в детском саду позновато.

– Да в «Юбилейный», на закрытый показ пригласили, – произнесла она как можно небрежнее, – на один день новый фильм с Москвы прислали.

Девчонки недоверчиво заверещали:

– Ладно, ври да не завирайся, пригласили её... Кто тебя пригласить-то может? А, вижу, вон в пионерском галстукe идёт Танькин ухажёр! – И она картинно выглянула в окно.

– В правильном направлении смотришь, – гордо парировала Танюшка, – только не в пионерском галстукe, а в морской форме.

Девчонки как по команде побежали к окну и, отталкивая друг друга, высунулись, чтобы посмотреть на Танькиного ухажёра. А она, воспользовавшись всеобщим замешательством, выскользнула за дверь и степенно подошла к Роману:

– Я готова.

Роман задрал голову вверх:

– А вы что, курицы, следите за нами, что ли? Ну-ка, марш от окна! – скомандовал он и, уверенно взяв Танюшку под ручку, повёл её в свой необычный и новый для неё мир.

Ей нравилось там, в этом мире Романа. Столько всего интересного и забавного: каждый день новые истории про училище, про друзей-товарищей, мечты о том, как он будет водить

корабль по необъятным морским просторам. Каждый раз, когда они встречались и просто гуляли по городу, он рассказывал что-нибудь любопытное.

– Вон видишь тот дом? – как-то остановился Роман в конце Советской улицы. – Здесь, говорят, есть подземный ход, который ведёт к Екатерининскому колодцу в Старой крепости. А там, в этих подземельях, скрыты несметные богатства. – Он понизил голос, перейдя на загадочный шёпот: – Клады турок, казаков и ещё неизвестно кого. Но то, что клады там есть, – совершенно точно. Давай спустимся, проверим. Я одно место знаю, его никто не охраняет. Попробуем?

Танюшка испуганно качала головой и отвечала, что в подземелье ни за что не пойдёт. Вот в крепости побывать она давно мечтала – потрогать старые стены, забраться на какую-нибудь башню.

– Хорошо, – согласился Роман, – крепость как раз рядом с парком, где мы с тобой познакомились, только там мало что сохранилось.

И они отправились туда.

Да, Танюшка ожидала другого: ей хотелось увидеть крепостные стены, ров, высокие башни – она помнила всё это по её любимому роману «Айвенго». Но впечатление произвёл только Екатерининский колодец, закрытый решёткой. Она попыталась заглянуть туда, но у неё закружилась голова, она покачнулась, и Роман буквально оттащил её от закрытого решёткой отверстия.

Обратно они шли через парк и вдруг оказались на той же аллее, где Роман увидел её летящие руки. Правда, луна куда-то делась, и только скудный свет фонарей освещал наполненную таинственными звуками аллею. Танюшка инстинктивно прижалась к Роману: ей было страшно и зябко – лёгкое летнее платьице не спасало от вечерней прохлады. Роман вдруг обнял её, и она почувствовала дрожь во всём его теле.

– Тебе что, тоже страшно? – прошептала она, не понимая, что с ним творится.

– Нет, – улыбнулся Роман, – мне хорошо вот так с тобой в обнимку, чувствуешь меня?

Танюшка не понимала, как она должна его чувствовать, но на всякий случай кивнула.

– Птенчик ты ещё желторотый, – нежно прошептал Роман и, обнимая за плечи, повёл к общежитию.

По дороге они встретили приятелей Романа – загорелых, крепких, в такой же форме, как и у него. Те, пересмеиваясь и балагурия, куда-то быстро шли. Небрежно кивнули Танюшке и отвели Романа в сторону посекретничать. Ей стало холодно без его тёплых рук, и, чтобы согреться, она стала подпрыгивать на одной ножке, вспомнив, как в школе они с девочками играли в классики. Прыгая, не заметила, как приблизилась к компании, да и они, занятые разговором, словно забыли про её присутствие.

– Ты что, сбрендил? – горячо говорил один из парней. – Понимаешь, сколько ей лет? Четырнадцать или вокруг этого. Да тебе дадут больше, чем ей лет!

И компания дружно загоготала.

Танюшка отбежала от них, как будто её больно ударили хлыстом, – парни явно отговаривали Романа от общения с ней. Она, правда, не поняла, за что ему могут дать «больше, чем ей лет», но суть была ясна. Её опять принимали за малолетку.

«Ну почему всегда так? Только появится что-то светлое, радостное – сразу приходят какие-нибудь мерзавцы, и всё ломают». – Она побежала прочь, подальше, чтобы не видеть, не слышать и постараться побыстрее забыть всю эту историю.

Роман, конечно же, догнал её, галантно проводил до двери и даже нежно поцеловал на прощание.

Но она знала, что больше его не увидит. И он действительно ушёл из её жизни, унося с собой праздник, который всегда нёсся впереди него. А оставил пустоту – пустоту и одиночество, которое она могла делить только с вековой липой у той скамейки в парке.

Глава 2.

Пётр Маркович и недоросль

Пётр Маркович торопливо шёл по пустынной ночной улице, нервно оглядываясь. У подъезда в последний раз обернулся и резко дёрнул ручку двери. Внутри, как обычно, воняло мочой и гниющим мусором, который кто-то с завидным упорством кидал под лестницу. Пётр Маркович потянул острым, как у ёжика, носом, пробормотал что-то типа: «Свиньи, а не научные работники» – и стал подниматься по лестнице. Его квартира располагалась на втором этаже, и он старался не пользоваться лифтом, чтобы тренировать ленивые, привыкшие к сидячей работе ноги.

Ничем не скреплённые листы из пачки бумаги, которую он нёс в руках, вылетали, почувствовав свободу, плавно кружились и оседали на ступеньках, как усталые от жизни бабочки-однодневки. Он не замечал их полёта, прокручивая в голове текст своей следующей статьи: «...Социализм в его современном истолковании можно определить как общество универсального самоуправления или как общество осуществлённого панперсонализма». Ему хотелось поскорее добраться до квартиры, чтобы сесть за пишущую машинку и вылить на бумагу так удачно сформулированную мысль. Достал ключ, чтобы открыть входную дверь, но не успел. Его отвлек жуткий грохот, за которым последовала команда: «Ро-та, подь-ём!», произносимая, как и положено в Советской армии, с раскатом и выделением последнего слога. После послышались стоны, крики и удары об пол.

Пётр Маркович посмотрел на свои наградные наручные часы, полученные им после жестокого боя за Берлин в 1945 году. «Что там может быть? – недоумевал он. – Какая рота, какой подъём в московской квартире в час ночи?» Не армейские сборы же. Что-то странное и, возможно, опасное происходило у ближайших соседей, с которыми он многие годы проживал, что называется, дверь в дверь.

Он толкнул соседскую дверь – не заперта. То, что открылось его взору, было настолько дико и странно, что какое-то время он ослепенело стоял на пороге, не понимая, что предпринять. Кира, недавно вернувшийся со срочной службы, высился посреди гостиной, размахивая и щёлкая цирковым хлыстом. Его отец в семейных трусах, мать с сестрой в ночных рубашках, глотая слёзы, маршировали по маленькой двушке, боясь послушаться совершенно пьяного диктатора.

Пётр Маркович, когда-то боевой офицер, наконец оправившись от шока, оценил ситуацию: хлыст – грозное оружие в руках любого пьяного. Кира выше ростом и здоровее отца-полковника, не говоря о самом Петре Марковиче, который не блистал богатырским телосложением даже в молодости. А долгие годы, посвящённые научной работе, сделали своё чёрное дело: теперь его тело напоминало вопросительный знак. К счастью, никто из участников жуткого спектакля не заметил его появления. Он аккуратно, вдоль стены коридора, продвинулся к открытой комнате и замер.

Кира стоял спиной и зычно отдавал новую команду:

– Ро-та, стой! Первый напра-во, остальные нале-во, бегом!

Родственники тяжело побежали по кругу и неизбежно должны были столкнуться – так мала гостиная. Пётр Маркович, вспомнив, как брал языка во время войны, лёг на пол и неожиданно ловко пополз по-пластунски. Оказавшись рядом с Кирой, он схватил его обеими руками за щиколотку и дёрнул. Кира, и так некрепко державшийся на ногах, от неожиданного рывка потерял равновесие и рухнул, выронив хлыст.

Воспользовавшись общим замешательством, Пётр Маркович схватил хлыст и тремя прыжками добрался до своей квартиры. Ключи валялись на полу, а пачка бумаги, которую он

нёс, разлетевшись по всей лестничной клетке, лежала живописными веерами. Но Петру Марковичу было не до бумаги. Дрожащими руками, с трудом попадая в замочную скважину, он отпер дверь и нырнул внутрь. Сердце билось так, что он не смог сделать и шага, а, прислонившись к стене, потихонечку сползал на пол, думая: «Хлыст, главное, хлыст здесь». Теперь ничего не страшно. Кира бешено колотился в его дверь, а он, сидя на полу, светло улыбался. Ему было не до статьи: перед глазами, как документальный фильм, проходила вся жизнь соседского отпрыска.

Вот Кира, ещё дошкольник, называет все элементы таблицы Менделеева и хвастается своими решениями задачек по высшей математике. Родители умиляются гениальности чада, да и сам Пётр Маркович восхищённо причмокивает и восклицает: «Поразительно, просто поразительно!»

Вот Кира умытым и причёсанным идёт в первый класс. С самого начала ясно, что там ему нет равных ни среди одноклассников, ни среди преподавателей. Его первая учительница вместо ответа на Кирина элементарный вопрос «Что такое квадратный трёхчлен?» бежит жаловаться директору, что ученик первого класса «выражается и дисциплину хулиганит».

– Я, Мария Петровна, чувствую себя школьницей, проваливающей выпускные экзамены, – захлёбываясь слезами, лопочет она.

– Да вы, милочка, не выпускные экзамены провалили, а испытание на профпригодность. Если вы с первоклассником справиться не можете, что же вы с четвероклассниками делать будете? Почитайте литературу, посоветуйтесь с коллегами. А для начала гоните его ко мне. Уж я-то смогу его обуздать.

Директриса сдаётся после четвёртой беседы, а учительница пишет заявление об уходе, осознав свою никчёмность.

С пятого класса более опытные преподаватели, уверенные в своих знаниях и педагогических способностях, поступают просто: удаляют его с урока за плохое поведение, чтобы не мешал им работать, а классу учиться. И он идёт на улицу. «Где же последователи Макаренки?» – недоумевает Пётр Маркович и сочувственно вздыхает вместе с родителями юного гения. А Кира, так и не обретя интереса к школьной программе, упражняется в химии в других местах: поджог в соседнем магазине, взрыв бомбочки на балконе – родители живут как на бочке с порохом в прямом и в переносном смысле. Если он теряет ключи от квартиры, лезет через балкон или легко вышибает входную дверь ногой, пока отец не устанавливает металлическую себе, а заодно и многострадальному соседу, которому тоже иногда достаётся от выходов недоросля.

Фильм продолжается: Кира в старших классах. Носится с американскими джинсами и куртками, кому-то что-то втохивает и впаривает. Пачки долларов, приводы в милицию, дежурства у гостиниц в ожидании иностранцев – всё это Пётр Маркович узнаёт, когда его приглашают понятым во время обыска у соседей. Отец Киры хватается за погоны, как будто боится их потерять, а мать – за сердце, которое выпрыгивает наружу. Слава Богу, ничего не находят, и за небольшие деньги удаётся погасить надвигавшуюся грозу. Пётр Маркович, полный сочувствия к несчастным соседям, проводит разъяснительную беседу с юным бизнесменом.

– Оттепель закончилась, молодой человек. «Пражская весна» подавлена, никаких послаблений ждать не приходится, – вещает он, как с лекционной кафедры. – 88-я статья УК РСФСР за валютные операции применяется гораздо чаще и активнее, чем ты думаешь. Так что опасения и страхи твоих родителей имеют под собой весьма осязаемую основу.

Кира молча слушает сидя на диване и со скучающим видом смотрит то на давно не белёный пятнистый потолок, то на отваливающиеся обои квартиры соседа. Наконец, когда Пётр Маркович, захлебнувшись последней фразой, иссякает, изрекает:

– А вы считаете нормальным жить вот так? – И обводит широким жестом кабинет соседа, где проходит беседа. – Вы же профессор, доктор наук, а ютитесь в этом сарае! Да на Западе

вы бы уже на «мерседесе» рассекали! И в загородном доме жили. А здесь так же, как и я, под статьёй ходите. Не удивлюсь, если чёрный воронок притормозит у нашего подъезда.

– Да под какой статьёй, молодой человек? О чём вы? Не тридцать седьмой год на дворе. Я пытаюсь достучаться до некоторых узколобых в нашем правительстве, объяснить им, что они построили вовсе не социализм. Это симбиоз государственного рабовладения, государственного феодализма и элементов государственного капитализма. А социализм – это другое, и его обязательно нужно строить.

– Во-во, я и говорю. Антисоветчина в полный рост! Вы думаете, долго так продержитесь со своими доказательствами? Попрут вас отовсюду, и в первую очередь из Академии наук. А я чего хочу? Свобода чтоб была, бизнес хотя бы мелкий. Это в какой части мира видано, что в гостиницу войти нельзя? Я гражданин этой страны и имею право ходить, где мне заблагорассудится. Тоже мне, секретный объект нашли!

– Видите ли, Кира, везде есть правила игры. В любом государстве, включая наше родное. Я, конечно, тоже кое-что нарушаю, но не в корыстных целях. Мне нужно как-то донести до народа правильные идеи – вот отсюда и то, что у нас величают самиздатом. А что я могу сделать, если ни один журнал мои статьи не принимает? А то, чем ты занимаешься, – коммерция, чистый криминал. Ладно бы себя подставлял – свою жизнь проживай как хочешь. Родителей пожалей. На мать смотреть больно – не дай бог инфаркт. А отец? Его же из армии попросить могут – с позором, без пенсии. Как ты в глаза ему будешь смотреть?

Пётр Маркович тяжело вздохнул. Теперь уже очевидно, что Кире глубоко наплевать на все эти обстоятельства: подонок не хотел «жить в дерьме», как родители. Его душа, разрывающая грудную клетку, стремилась к шикарным машинам, фирменным шмоткам с яркими лейблами, модным девочкам, с которыми можно за небольшую взятку швейцару попасть в один из немногочисленных центральных ресторанов.

Фильм продолжается: Кира оканчивает школу. Учителя рисуют тройки по всем предметам в надежде никогда больше его не увидеть.

– В институт? А зачем? Я и так сделаю любого! – отвечает он на вполне закономерный вопрос Петра Марковича.

Кире восемнадцать. Вот он, шанс исправить недоросля. Отец с садистским удовольствием отправляет его в армию. Два года семья живёт спокойно и счастливо, в надежде, что армия сделает из обезьяны человека.

И вот возвращение. Финальные кадры, как принято у модных западных режиссёров, Пётр Маркович просмотрел в самом начале. Хлыст лежал рядом, приняв форму вопросительного знака. Значит, ничего не приснилось и не померещилось. Всё это было, было... Сколько времени прошло? Час? Полчаса? Да какая разница!

Он тяжело поднялся, пригладил вечно растрёпанные пегие волосы, прислушался. Тихо. Видно, Кира уgomонился. Осторожно приоткрыл дверь, высунул голову. Никого. И только разлетевшиеся листки отпечатанной в пяти экземплярах статьи по-прежнему живописно лежали на грязном полу лестничной клетки.

Странно, но после этого случая соседи практически прервали общение с Петром Марковичем. Видимо, унижительное происшествие, невольным участником которого он явился, превратилось в тот самый сор, который никому не хочется выносить из избы. Дальнейшую жизнь Киры он теперь наблюдал только как зритель. От участия его отстранили. «Семейные дела, – думал Пётр Маркович, – большая загадка. Не зря же милиция отказывается приезжать на семейные конфликты». Да, собственно, он долго и не переживал, уйдя с головой в работу над главной целью жизни: донести до думающих людей свои идеи построения идеального общества.

Понеслись годы, полные больше разочарований, чем надежд. И невдомёк тогда было правдолюбцу, что когда-то сбудутся пророчества Киры и с ним произойдут такие события,

которые ни один провидец не смог бы предсказать. Но всё это будет позже, через годы, и эти годы ещё надо прожить: и Петру Марковичу, и Кире, и его родителям, и ещё многим людям.

Глава 3. Танюшка

Погожим утром ранней весны, в ту пору, когда на деревьях ещё только завязывались почки, чтобы позже выпустить нежные листики, по улицам Херсона весело бежала маленькая худенькая девушка с большим портфелем в руках. Она остановилась у огромной вековой липы и стала медленно обходить её, задрав голову. Встала на скамейку, которую соорудил под деревом какой-то добрый человек, и, с трудом дотянувшись до веток, ловко повязала три ленточки: красную, белую и жёлтую, – и что-то прошептала каждой. Потом спустилась, обошла дерево по часовой стрелке, снова влезла на скамейку, сорвала три побега с той ветки, на которой были повязаны ленточки, и положила их в портфель. Удовлетворённо улыбаясь, уже спокойным размеренным шагом направилась в сторону музыкального училища. Прохожие, идущие по своим делам, невольно улыбались в ответ, глядя на неё – изящную, трогательную, как полевая ромашка. Её можно было не заметить, пройти мимо – эка невидаль, вон их сколько, таких ромашек, разбросано по полю! А можно было остановиться и долго разглядывать – и тогда эти беленькие тоненькие лепесточки вдруг оживали и становились необычайно прелестными, изящно покачиваясь на ветру. У мужчин непроизвольно возникало желание защитить, уберечь её от злых людей, демонов, духов – от всего, что могло сломать и испортить её хрупкую красоту.

На самом деле она вовсе не была беспомощной и беззащитной, вполне могла постоять за себя. Но об этом мало кто знал. Свои боевые качества она демонстрировала только в экстремальной обстановке. А в повседневной жизни это была милая, весёлая, жизнерадостная девочка.

Её любимица, мощная вековая липа, ствол которой и втроем не обхватишь, наполняла её какой-то невиданной силой. Танюшка приходила к ней после занятий и часто задерживалась до заката с учебником или нотной тетрадью в руках. Иногда просто сидела, подставляя ласковому солнышку то одну сторону лица, то другую. А иногда озорничала, заставляя прохожих подчиняться своей воле.

Вот идёт статная высокая девица с длинными, почти до талии, отливающими золотом волосами, разряженная как будто на банкет: платье мини, туфли на шпильке, тёмно-синие тени, придававшие её лицу какое-то ведьмовское выражение. Проходя мимо Танюшки, она окидывает её взглядом, полным презрения. Мол, что за мелюзга тут восседает? Танюшка мигом мысленно реагирует: «Ишь ты, вырядилась, смотри не опоздай!» – и пялится ей в затылок. Девица вдруг спотыкается на ровном месте и чуть не падает. Её нога неестественно выворачивается – каблук, ломается каблук! Спесь мигом слетает с её лица, она снимает вторую туфлю и ковыляет босиком обратно. Танюшка фыркает в кулачок.

А вот бредёт пожилая женщина с авоськой до земли – еле дышит, периодически останавливается отдохнуть. За ней здоровый дядька.

Танюшка смотрит прямо в затылок дядьке и шепчет:

– Помоги бабушке, помоги, слышишь?

Через некоторое время мужчина и вправду подходит к женщине и берёт сумку из её рук. Танюшка удовлетворённо улыбается.

Всё это забавляло Танюшку: она как бы наводила порядок, понятный только ей самой. В этом своём липовом раю она часто превращалась то в Золушку, то в Спящую красавицу, то в Василису Прекрасную.

А однажды почувствовала себя феей Драже из балета «Щелкунчик». Она тихонько напевала мелодию танца феи, а в голове раздавались волшебные звуки, как будто хрустальные горошины падали на серебряное блюдо. Танюшка отломилла маленькую цветущую веточку и, наслаждаясь дурманящим ароматом, легонько помахивала ею в такт мелодии, как будто дирижировала оркестром. Мимо торопливо шёл симпатичный парень, ничего не замечая вокруг. Девушка сразу почувствовала в нём что-то родное: он похож сразу на всех мальчишек из соседних дворов, с которыми она гоняла в казаки-разбойники.

– Обернись, – шёпотом скомандовала она и направила липовую веточку в его сторону.

Парень обернулся, одаривая её лучезарной улыбкой, но не остановился, последовал дальше.

Вдруг ветка липы шелохнулась. Она подняла голову. На неё смотрел совершенно круглый глаз. Глаз, конечно, не существовал сам по себе. Он принадлежал маленькой неприметной птичке, чуть больше воробья. Птичка смешно вертела головой, но неизменно устраивалась так, чтобы смотреть на Танюшку. Девушка улыбнулась и свистнула – этому её научил сосед Колька, с которым в детстве она носилась по посёлку наперегонки. Колька говорил, что это специальный звук, на который слетаются птицы. Правда, к Кольке ни одна птаха не прилетала.

Птичка чуть помедлила, а потом приоткрыла клюв и свистнула в ответ. Так они перекликались несколько минут, а потом Танюшка протянула раскрытую ладонь, и птичка послушно приземлилась на неё. Девушка тихо, чтобы не спугнуть, приблизила её к своему рту и опять свистнула. Птичка потянулась к ней, словно хотела поцеловать. Они миловались, забыв обо всём, пока Танюшка не почувствовала чей-то взгляд. Аккуратно, чтобы не спугнуть птичку, подняла глаза и увидела парня, которого час назад заставила обернуться. Улыбчивое, круглое, с румянцем во всю щёку лицо, волосы цвета подопревшей соломы и пронзительно синие глаза. Василёк, да и только. А василёк в поле – неизменный спутник ромашки.

– Дрессируешь? – спросил он.

– Тихо, спугнёшь, – чуть слышно, с каким-то присвистом ответила Танюшка.

Птичка послушно сидела на маленькой ладошке, словно в анабиозе.

– Возьми её в руку, – попросил парень, – по-моему, ты её заколдовала.

Танюшка осторожно прикрыла птичку второй рукой. Та даже не шелохнулась.

Парень подошёл поближе и погладил птичку по хохолку:

– Ишь ты, не боится... Сидит, как у себя дома, то бишь в гнезде... Как это у тебя получается? Ты дрессировщица?

Танюшка удовлетворённо улыбнулась и разжала ладонь:

– Лети-лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг!

Птичка не улетала. Она сидела на ладони и спокойно смотрела, всё так же поворачивая головку.

– Да лети же, – раздражённо повторила Танюшка, – надоел!

И она начала подкидывать птичку на ладошке. Та не улетала.

– Вот же задрыга! Я тебе что сказала? – Танюшкин голос звучал угрожающе. – Лети по своим делам, а у меня свои. Не мешай. – И она качнула руку ещё сильнее.

Птичка не удержалась и замахала крылышками, чтобы не упасть. Она ещё долго кружилась над Танюшкой, присаживалась на ветку липы, что-то зазывно свистела, но не улетала.

Парень тоже не уходил. Он с доброй улыбкой наблюдал за Танюшкиной игрой, потом присел на скамеечку и сказал:

– Давай знакомиться, Птичка. Меня Василием зовут. Ты так здорово с этой птахой общалась, как будто сама её племени. Она тебе, похоже, что-то рассказывала.

Танюшка задумчиво улыбнулась. Почему-то вспомнился морячок, который познакомился с ней в тёмной аллее парка. Как давно это было... Почти год прошёл. Неужели и этот парень примет её за малолетку? Она постаралась придать своему лицу серьёзное выражение, думая, что так она будет выглядеть старше:

– Ну, во-первых, не она, а он. Это мальчик, вернее, мужчина. Его зовут Барти.

– И что же он тебе поведал, этот Барти?

– У него проблемы... Серьёзные.

– Да какие проблемы у птицы, вернее, у птица? Не знаю, как в мужском роде: птах или птуй.

Танюшка, забыв о своей роли взрослой, умудрённой опытом женщины, засмеялась, мигом превратившись в легкомысленную хохотушку:

– Сам ты птуй. Я тоже не знаю. У него же имя есть. Давай звать его по имени.

– И то верно, – согласился Василий. – Так какие же у этого Барти проблемы могут быть? Летай себе и летай:

Птичка божия не знает

Ни заботы, ни труда...

Танюшка нараспев подхватила:

–хлопотливо не свивает

долговечного гнезда.

– А, ты тоже в школе училась?

– Догадливый...

– Прозорливый. Так что же твой Барти? Что с ним такого необычного происходит?

– Его из стаи выгнали. Он теперь в тёплые края улететь не может. Думает, как перезимовать.

Василий с недоверчивой усмешкой смотрел на Танюшку, но она говорила быстро, не задумываясь:

– Он вступился за маленькую птичку, птенчика почти. Вожак хотел взять её к себе, чтобы строить с ней гнездо, то самое, долговечное. А она маленькая ещё, несмышлёныш, только летать научилась, плакала и упиралась. А вожак жестокий, властный. Ни за что не хотел отступать. Вот Барти и вмешался. Просто как старший товарищ, как отец, может быть... В резуль-

тате ему эту несчастную крошку и отдали, а самого вместе с ней и выгнали. Думает к синицам примкнуть. Позор это для соловьёв страшный, да и синицы не шибко рады чужаку. Я ему пообещала корм приносить сюда, к липе.

Они с Василием проболтали до темноты, как будто встретились старые друзья после долгой разлуки. У них оказались общие воспоминания и впечатления детства. И немудрено: Василий приехал из посёлка в сорока километрах от Танюшкиного Нового Маяка и учился в ПТУ на механика. Танюшкина музыкалка и его моторка находились поблизости. Странно, что они раньше не встретились: хлопцы из ПТУ часто зависали в девичьем общежитии.

– Да я по общагам не шляюсь, – объяснил Василий. – Я же учиться приехал, а не пьянствовать и на девчонок пялиться.

– Что же ты ко мне тогда подошёл? Я вроде бы на парня не похожа.

– Ты другая. Птиц вон дрессируешь – интересно.

Василий лукавил. Его потянула к девушке какая-то неведомая сила, которая впоследствии никак не отпускала: каждую свободную минуту он использовал, чтобы подкараулить зазнобу у общежития или встретить после занятий.

При том, что у них было много общего, по характеру они оказались антиподами: хозяйственный, основательный и расчётливый Василий никак не понимал легкомысленной щедрости Танюшки, которая стремилась накормить и обласкать всех, кто попадался на её пути. Если ей присылали из дому гостинцы, она пекла пироги, варила картошку и устраивала пир на весь мир. О том, чем питаться, когда вся снедь закончится, просто не думала.

Наблюдая за этими аттракционами невиданной щедрости, Василий недоумевал:

– Кормишь всех в общаге, утешаешь, кофточки им вяжешь, а они как ценят твою доброту? Кроме насмешек и мелких издёвок в твой адрес, я что-то ничего хорошего не видел. Они же просто не замечают, какая ты на самом деле. А клички эти: мелочь, малявка, пионерка, детский сад на лужайке. Ты разве этого заслуживаешь? Они все вместе взятые мизинца твоего не стоят! А Лариска твоя любимая вчера так мне глазки строила, что я чуть не сорвался. Хотел сказать всё, что думаю, но сдержался. Ради тебя.

– Перестань, Василёк. Они добрые. Просто год назад, когда я только приехала, я совсем маленькой выглядела и вправду на пионерку была похожа: синяя юбка в складку, беленькая блузочка, а на ногах детские ботиночки. Ты же знаешь, как мне трудно обувь моего размера найти. Хорошо, сапожник дядя Фёдор умеет туфли мастерить. Вот, посмотри. – И она вытянула изящную ножку, обутую в красные туфельки на шпильке. – Что бы я без него делала? И ты бы меня за школьницу принял, если бы я одевалась как раньше. Они ко мне хорошо относятся. Я тоже иногда подшучиваю над ними. У близких людей так принято.

Василий неодобрительно качал головой и отбирал остатки припасов, чтобы припрятать в своём хранилище. Он договорился с дворником Фролычем, которого исправно угощал самогонкой, использовать кладовку с инвентарём для хранения своих продуктов. В специально сколоченном шкафу, увенчанном огромным амбарным замком, таились несметные богатства. Самодельная тушёнка в литровых банках пряталась за неподъёмным мешком картошки, бумажные пакеты со свёклой, морковкой, яблоками и сухофруктами притулились рядом с бочонком квашеной капусты. Завершала этот натюрморт в духе социалистического реализма бутылка самогонки, которая была так ловко закручена, что Фролыч никак не мог добраться до вожаделенного напитка – только с разрешения Василия, имевшего собственные представления о том, сколько можно выпивать в день. Никакие мольбы и стоны не помогали – стакан, и ни капли больше. Фролыч сначала возмущался, грозился выгнать Василия вместе с его барахлом из такого райского места. Но тот был неумолим.

– Да меня на таких условиях каждый пустит, – говорил он, – а вот что ты без меня будешь делать – вопрос.

Чтобы иметь доступ к своему складу, Василий регулярно наводил порядок в кладовке: протирал и расставлял по местам неряшливый, как и сам дворник, инвентарь, подметал и даже мыл пол. Он любил порядок во всём. Апофеозом его мастерства стала специальная стойка с прорезями для всех инструментов: и для ржавых граблей, и для видавшей виды метлы, и для разнообразных совков-скребков. Фролыч только всплёскивал руками от восторга, приговаривая:

– Ай да Василий, ай да сукин сын! Во, муж из тебя получится знатный! Сам бы за тебя пошёл, ежели бы девкой был!

Когда Василий приходил к училищу встречать Танюшку, то часто наблюдал, как все бездомные кошки сбегались, ожидая получить от неё какое-нибудь лакомство. А она всегда была готова к этому нашествию. Из её потрёпанного портфельчика, набитого нотными тетрадами, как из рога изобилия появлялась бутылка молока, которым она заливала покрошенный в специальные мисочки хлеб, иногда кусочек рыбы или котлетка. С кошками у неё были такие же трепетные отношения, как и с давешней птичкой: она их гладила, старалась накормить самых робких и отогнать наглых мерзавцев. Василия забавляли клички, которые она им давала: там были и Фунтик, и Мерзавец, и Обормотка, и даже Хрен. Кошки окружали её, как только она показывалась на лестнице: ластились, мурлыкали, словно рассказывали что-то своё.

А Танюшка грубовато отгоняла их:

– Да дайте же пройти, обормоты! Как я вас кормить буду, если вы мне шагу не даёте ступить?

Но они мурлыкали всё громче, петляя и извиваясь вокруг её ног.

Василий терпеливо ждал, когда она закончит свой ежедневный кошачий ритуал, встанет с корточек и отряхнёт коротенькую юбочку от хлебных крошек и кошачьей шерсти.

И только тогда он появлялся из укрытия:

– Привет, о повелительница кошек!

Танюшка, как и подобает повелительнице, поднимала руку с открытой ладонью и сурово произносила всегда одно и то же:

– А теперь все геть отсюда!

И кошки послушно разбредались по своим убежищам.

Танюшка обожала всех тварей божьих, и они платили ей тем же. И только собаки вели себя странно. Завидев девушку, они замирали, злобно рычали, а шерсть на загривке становилась дыбом. Они никогда к ней не приближались, но вид у них был то ли угрожающий, то ли испуганный.

Когда Василий впервые увидел необычную для своей избранницы картину, он спросил насмешливо:

– Что это с ними? Ты же дрессировщица. Похоже, не сильно тебя жалуют.

Танюшка только отмахнулась:

– От меня же кошками пахнет! Им это не нравится.

Василий наклонился к её плечу и понюхал:

– Что-то не улавливаю кошачий запах.

– Ну ты же не пёс... Я надеюсь.

– Нет, – согласился Василий, – скорее кот. Я же Василий. А от тебя пирогами пахнет, такой сладкой белой присыпкой – не помню, как называется.

– Ваниль называется, – засмеялась Танюшка, – мне повариха немного отсыпала. – И она достала пакетик, свёрнутый из газеты.

Василий стал Танюшкиным покровителем. Их союз был неизбежен. Два одиночества встретились и образовали пару. Они были практически неразлучны – вне занятий их нельзя было увидеть порознь. Их так и называли: Танька-Васька. Это звучало, как одно имя, а каждый из них перестал существовать отдельно от другого. Их паролем, символом пары, стал липовый

цвет. Впервые Васька сорвал, подпрыгнув, пушистую веточку цветущей липы в июне, после окончания экзаменов за первый курс. Это даже была не веточка, а отделённые от неё цветы – трогательный комочек, напоминавший Танюшке чуть подростового цыплёнка. Они сидели на их любимом месте, под той же вековой раскидистой липой.

– Понюхай, – предложил Васька, – какой запах! Его нельзя описать, можно только нюхать. Не зря пчёлки набрасываются на цветки, как только те появляются.

– Почему же нельзя описать? – возразила Танюшка. – У нас учительница даже стихи в классе декламировала. Она коллекционировала стихи о липе, представляешь?

– Молодая? – поинтересовался Васька.

– Молодая, а почему ты спрашиваешь?

– Наверное, влюблена в кого-то была, раз запах липы так её волновал.

– Может быть, я за ней не следила, а вот стихи кое-какие запомнила. Вернее, не стихи, а отдельные строчки. Те, что легли на душу:

Липовый запах из липовых пазух течёт.
Липа цветёт. Летний воздух – что липовый мёд:
Та же густая, янтарная, терпкая масса.
Ложку бери и на булку намазывай с маслом
Или тяни потихонечку прямо из сот.

– Класс, правильные строчки запомнила. Мне про булку нравится. У меня там, в комнате, стоит банка с липовым мёдом. Пошли по бутеру, а?

Нет, Васька не был романтиком. Запах не пробуждал в нём томления, как у Танюшки. Вот на бутерброд намазать – это да. Вкусно...

– Ты не заметил, что в стихах не про мёд говорится, а про воздух, «что липовый мёд»? Воздух будешь намазывать? – хихикнула Танюшка.

– Не, не заметил. Я про свой мёд сразу подумал: забыл про банку, под кроватью заныкал. Идём. Хлебушка только нужно купить и маслица. Я утром шёл мимо пекарни – запах стоит почище липового. Аж слюнки текут! У меня там знакомая тётя пекарем работает. Полюбила меня. Говорит, я ей сына напоминаю. Всё время подкармливает. Пошли, она нам свежачка даст. – И он за руку потащил Танюшку в сторону пекарни.

– Хорошо, – согласилась она, – только с одним условием: я к твоему лакомству своё добавлю. Только для этого нам нужен ещё шиповник.

– Не вопрос, – кивнул Василий, – мне маманя целый мешок засушила, а я не знаю, что с ним делать. К Фролычу зайдём по дороге, отсыплем.

В комнате у Василия никого не было – ребята разбрелись кто куда на выходные. Танюшка помыла заварной чайник и ошпарила его кипятком. Тут же заложила липовый цвет и плоды шиповника и долго перемешивала пальцами, двигая смесь по часовой стрелке.

Васька заглянул через её плечо:

– Ты что, колдуешь?

– Ну, типа того, – ничуть не смутившись ответила Танюшка. – Представляю, как мы с тобой живём вместе и делаем всё дружно: и еду готовим, и комнату убираем, и в училище ходим. Ты ведь этого хочешь? Я правильно понимаю?

Васька покраснел от шеи до самой кромки лба. Конечно, он хотел, он очень хотел жить вместе с избранницей, только стеснялся сказать. К тому же, если они поженятся, им отдельную комнату в общежитии дадут, поди плохо. Пока Васька сбивчиво, заикаясь от волнения излагал всё это, Танюшка продолжала свой таинственный ритуал. Она залила смесь кипятком, но не доверху, а где-то на треть, и закрыла крышечкой, а сверху укутала чайник полотенцем.

– Это что, ты мне предложение только что сделал? – наконец прервала его подруга.

– Ну да, как тебе восемнадцать стукнет, так и пойдём в ЗАГС.

Васька от неожиданного поворота разговора забыл и про мёд, и про чай и только пожирал глазами Танюшку.

– Ну, где же твой мёд? – поинтересовалась Танюшка, доливая чайник доверху. – Чай-то будем пить?

Потом она молча, с блаженной улыбкой смотрела на Васькин зад – единственную часть его тела, которая была видна, когда он полез под кровать за банкой, – и представляла, как весело они будут жить, когда поженятся.

Через несколько месяцев, едва дождавшись Танюшкиного восемнадцатилетия, он потащил её в ЗАГС. Там, почему-то покраснев, спросил, будет ли она брать его фамилию. Конечно, Танюшка с детства мечтала поменять свою фамилию Худолей. Она даже спрашивать не стала, на что менять. Хуже быть не может. Что может быть ужаснее Худолей? В итоге она стала Мухой.

История с Мухой завершилась вместе с окончанием училища. Молодые не смогли договориться, где и как им жить дальше. Василий возвращался в родной совхоз, где его ждали, обещая и жильё, и продвижение по работе. Танюшка же ещё не решила, куда ехать, но совершенно точно была уверена, что назад в деревню ей не надо. Диплом она получила на фамилию Муха, а через несколько месяцев, разведясь с Васькой, снова взяла свою.

Глава 4. Кира

– Что-то ты сегодня мрачный, как наш дядя Изя в день зарплаты, – изрекла Софья Павловна, бросив внимательный взгляд на мужа. – Что-то произошло?

Георгий Андреевич оторвал взгляд от вилки, которую рассеянно вертел в руках.

– Да уж. Такого, пожалуй, никогда ещё не случилось... – Он замолк, продолжая непровольные упражнения со столовыми приборами.

– Ну не томи, на себя не похож! Уже волнуюсь, как волновалась тётя Сара, ожидая дядю Изю с зарплатой.

– Кравчук разбился.

– Как, на машине? – Софья Павловна мигом отбросила свои еврейские шуточки, не доведя историю дяди Изи и тётя Сары до логического завершения, и теперь серьёзно смотрела на мужа.

– Нет, на дельтаплане.

– На чём, на чём?!

Георгий Андреевич глубоко вздохнул и тихо продолжал:

– Да я и сам до недавнего времени не знал, что за зверь такой. Это прибор с крыльями, которые сверху надеваются на человека, или человек в него вставляется – не знаю точно. Последнее время крутился у нас молодой парень – хотел внедрить изобретение. Все кабинеты обошёл, такими словами сыпал, нарочно не придумаешь – только «змея Рогалло» чего стоит! Вот он Кравчука и обрабатывал: генерал всё-таки, начальник Спортивного комитета Министерства обороны. Доказывал, что для военных дельтаплан – незаменимое устройство. Особенно тот способ буксировки, который изобретатель придумал, от разгоняющегося автомобиля. Уговорил попробовать. А кому не хочется себя Икаром почувствовать! Вот Кравчук и поддался. Прицепили его вместе с крыльями к автомобилю, автомобиль разогнался, Кравчук взлетел, но что-то с ним в воздухе приключилось: то ли с сердцем стало плохо, то ли неумело телом своим управлял. В общем, рухнул на землю со всей дури Икар наш.

Софья Павловна, небрежно отбросив тряпку, которой протирала плиту, присела к столу. Супруги ошарашенно смотрели друг на друга, переваривая информацию.

«В Москве полночь», – торжественно сообщил густой бас из радиоприёмника, и раздался бой курантов. Георгий Андреевич протянул было руку, чтобы выключить звук, – не хотелось беспокоить соседей. Но его отвлек шум: резко распахнулась входная дверь и шарахнула о стену. На пороге стоял Кира, улыбающийся во весь рот и, как обычно, хмельной. Щёгольская финская дублёнка, клетчатый мохеровый шарф придавали ему очень стильный вид. В руках он держал пластинку в яркой обложке.

– Ну, что грустим? Кравчука хороним?

Судя по всему, он слышал последнюю фразу отца и понёсся во весь опор:

– Не дрейфь, фазер, тебя повысят. Будешь на генеральской должности, давно пора. Ты и Кравчук – даже сравнивать не хочу. Только на дельтаплане не летай – и всё хорошо сложится. В загранку будешь ездить, шмотки на продажу привозить. Семейный подряд в нашей стране поощряется.

Дублёнка уже валялась на полу, украшенная шарфом, как праздничной ленточкой, и Кира включал музыкальный центр, усиленный мощными колонками.

– Школа современного танца начинает свою работу! – громко объявил он и врубил проигрыватель на всю мощность.

Софья Павловна замахала руками, словно пытаясь защититься от назойливой музыки, а Георгий Андреевич схватился за голову.

– Танцуют все! – орал Кира, перекрикивая слова песни:

Come on let's twist again like we did last summer...

Он выделявал странные коленца: то приседая в такт музыке до пола, то поднимаясь винтом. Родители ошарашенно смотрели на беснующегося сына, а соседи уже стучали и по стенам, и по потолку, и по батарее. Кира, ни на что не обращая внимания, тянул Софью Павловну на середину комнаты:

– Давай, давай, растрясжи жирок! Твист не только модный танец, но ещё и полезное упражнение. Пользуйтесь моментом, пока я добрый!

Гремела музыка, в которой тонул звук дверного звонка. На лестничной площадке толпились помятые и нечёсанные соседи: кто в пижаме, кто в ночной рубашке, кто в несвежем халате, накинутом на голое тело. Делегацию возглавлял Пётр Маркович в огромных семейных трусах и блёклой застиранной майке со спущенной лямкой. А в квартире с непроницаемыми лицами ввинчивались в пол родители Киры.

Пётр Маркович наконец осторожно толкнул незапертую дверь, и она открылась. Соседи с сочувствием смотрели на развернувшийся перед их сонными глазами спектакль. Пётр Маркович знал, как прекратить это безобразие, но, памятуя об истории с хлыстом, стоял на месте.

Этажом ниже заголосил проснувшийся ребёнок, и через минуту на лестнице показалась соседка Валюха с орущим годовалым Вовкой на руках. Несколькими стремительными прыжками она осилила лестничный пролёт и, растолкав остолбеневших соседей, ворвалась в квартиру.

Подбежав вплотную к Кире, Валюха заорала так, что звуки твиста, усиленные колонками, показались негромким музыкальным сопровождением:

– Ах ты, тварь подколодная! Вот, полюбуйся! – И она на вытянутых руках продемонстрировала заходящегося от крика малыша. – Я тебе сейчас яйца на жопу натяну!

Кира резко остановился и сквозь смех парировал:

– Ну ты даёшь, Валюха! Такого наказания даже святая инквизиция не могла придумать!

С этими словами он схватил орущего Вовку и подбросил его высоко к потолку. У Вовки мигом сменилось настроение, и он захохотал. Кира, повторив трюк несколько раз, посадил мальчика на плечи, выключил проигрыватель и картинно, с полупоклоном, словно со сцены, объявил:

– Всё граждане, концерт окончен. Я приношу свои извинения за причинённые неудобства. – И, чуть поклонившись, приложил руку к сердцу. – Считайте, что это был сон. – И тут же, обращаясь к соседке, предложил: – Пошли, Валюха, помогу отпрыска твоего уложить.

Он покровительственно приобнял уже успокоившуюся Валюху и пошёл вниз – укладывать Вовку, который с удовольствием наматывал на палец буйные Кирины кудри.

Весной родители Киры съехали в ещё не достроенный загородный дом, и он остался один в двухкомнатной квартире – и никаких родителей, дедушек и бабушек, которым нужны покой и уважение. Дом содрогнулся. Кира увлёкся запрещённой рок-музыкой и гонял магнитофонную ленту в любое время дня и ночи. Соседи не знали, как его остановить, и периодически навещали к Петру Марковичу за советом. Тот чесал свой пегий затылок и рассуждал:

– Милицию вызывать бесполезно: милый Кира их угощает такими спиртными напитками, которые им в самом сладостном сне не могут привидеться. Письмо на работу? Да он ведь нигде не работает...

Вдруг в его глазах заискрились радостные огоньки:

– Не работает, не работает... И никогда не работал. У него даже трудовой книжки нет. Значит, он кто?

– Тунеядец, – подсказала Галина Ивановна, проживающая на том же этаже, – причём злостный.

– Вот именно. А у нас за тунеядство привлекают к ответственности, между прочим. Так что, милые соседи, действуем следующим образом: я пишу письмо в прокуратуру, а вы собираете максимальное количество подписей. По поводу моего автографа нужно подумать: я всё больше становлюсь персоной в высшей степени нон грата. А скоро, возможно, и сам тунеядцем стану: выговор за выговор получаю – до увольнения рукой подать. Так что, скорее всего, быть мне серым кардиналом: готов направлять нашу с вами деятельность, оставаясь в тени.

На следующий день заявление было готово, самая молодая из жильцов – Милка – обещала «милых соседей», собрав двадцать подписей. А дальше, в соответствии с генеральным планом, заявление понесли... нет, не в прокуратуру. Его понесли Кире на ознакомление. Пока в качестве профилактической меры. Посыльным назначили мать-одиночку Валюху. Кира с ней заигрывал, а она, чтобы не подпасть под его обаяние, строила из себя мегеру.

– Вот, полюбуйся, любимец публики, доконал ты соседей! Телегу на тебя состряпали. Я тоже подписала: надоело Вовку пять раз за ночь укладывать.

Кира брезгливо, как гадюку, взял бумагу и углубился в чтение. Поднял глаза на Валюху и изрёк:

– Я понял. В каталажку закатать решили. Да уж, воистину «милые соседи», как любит выражаться Петька. Без него тут не обошлось, чую его дух. – И он картинно поднёс бумагу к носу. – Притормозите, Валюха. Не отправляйте пока. Испытательный срок дайте подлецу. – И он озорно подмигнул соседке. – У тебя никаких срочных дел нет? Оставайся, я тебе сейчас такое хэппи устрою, ещё просить придёшь...

– Не дождёшься, – оборвала его Валюха и, смахнув, как надоедливую муху, Кирину руку со своего плеча, резко направилась к двери.

– Ну и дура! – крикнул вслед Кира. – Своего счастья не понимаешь!

Это происшествие заставило Киру задуматься: «„Трудиться, трудиться и трудиться“, – повторял он переделанный по случаю лозунг, – как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия».

Жить без трудовой книжки становилось всё тягостнее. Даже прикормленный участковый предупреждал:

– Не знаю, не знаю, дорогой, сколько времени ещё смогу тебя прикрывать. Ты же понимаешь: контора и нашими делами интересуется, картотеку время от времени запрашивает на проверку. Пока я на месте, твою карточку припрятал в сейф. Все под богом ходим, и меня могут... под колпак посадить, на другую работу перевести. Помереть могу. У нас смертность, знаешь, какая! – И ронял крупную слезу прямо на толстый шматок колбасы, которым закусывал «Посольскую» водку, предусмотрительно выставленную Кирой.

Глава 5. Рынок, Есенин и Валерка

В Минск Танюшка попала случайно. Пока училась, летние каникулы проводила дома, в посёлке, где люди выращивали фрукты-овощи и этим кормились. С детства она умела торговать на рынке, и у неё это хорошо получалось. Бабы всегда звали с собой, даже если родня не ехала. Танюшка никогда не отказывалась, ей даже нравилась вся эта кутерьма. Сначала споры, куда именно ехать, потом поиск транспорта, дорога – трясучий кузов грузовика или общий вагон поезда. Постоянный гвалт, шутки-прибаутки, да с матерком и подначками. Потные лица, бесконечные ящики с овощами, которые надо сначала погрузить, потом разгрузить, да так, чтобы ничего не спёрли и не рассыпали. Шумный рынок, где коммерческий успех зависел почти на сто процентов от личности продавца. С улыбкой, весело балагурия, товар продавали быстро, а у Танюшки всё буквально улетало. Она входила в роль разухабистой торговки, с первых слов располагая к себе:

– Огурчики берите. Посмотрите, какие красавчики – свеженькие, с утречка собранные! Потрогайте пупырышки – колючие ещё. Да не бойтесь, щупайте. Пробуйте – свежий огурчик сразу на зуб ложится. Хрустит? Да я из-за прилавка слышу. А сладкие какие! Они же сами в рот просятся! Порадуйте деток. Детки ой как любят огурчики грызть! А что цена? Не последние же отдаёте. Больше истратите – больше получите. Закон природы. Первые же огурчики привезли, у вас ещё не зацвели даже! А запах! Всю хату ароматом заполняют! Соседи завидовать будут!

Покупатели улыбались и просили взвесить. Тем, кто ей нравился, Танюшка накладывала немного больше, а жмотов или наглецов наказывала – чуть обвешивала, самую малость, чтобы незаметно. Так она устанавливала свою справедливость. В конце дня относилась объёмный пакет с огурцами в детский дом, находившийся на соседней улице. Ей нравилось наблюдать, как озорные мальчишки хватили огурцы и рассовывали их по карманам. Ну а если видела, что кого-то обижают, не подпускают к «кормушке», могла и подзатыльник дать, и отобрать лишнее, чтобы всем поровну досталось.

В год окончания училища она также отправилась в Минск продавать огурчики. На Украине они поспевают раньше, чем в Белоруссии, и эта поездка всегда была самой прибыльной. На рынке Танюшку знали – не один год торговала. Заметив повзрослевшую барышню, подошёл и директор рынка, поинтересовался, окончила ли она учёбу, что делать собирается. Тут же предложил работать у него секретарём и заниматься с его дочкой музыкой. Танюшка сходу согласилась, даже не спрашивая о зарплате и не думая о том, где будет жить. Это был шанс. А шансом нужно пользоваться – любым. Не так часто он выпадает на долю человека.

Выходить на работу нужно было срочно. Секретарша Михалыча (так все звали директора), царь-девица Марьяна, всерьёз и надолго загуляла со своим милым Алёшей, который вернулся из армии голодный до вольной жизни и женской ласки и не отпускал её ни на шаг. Она обнаглела настолько, что вместе с Алёшей и его собутыльниками явилась пьяная и расхристанная на рынок, распевая частушки, типа: «Милый Вася, я снялася в этом платье голубом, но не в том, в каком ****ся, а совсем-совсем в другом». При этом она у всех знакомых продавцов требовала закуски для честной компании и ещё денег на выпивку, угрожая им, что, мол, Михалыч всех на хрен выгонит, если кто-нибудь посмеет обидеть её, правую руку и левую ногу этого большого, можно сказать, самого главного человека.

Увидев и услышав Марьянины показательные выступления, Михалыч сразу вызвал и скорую, и милицию. Скорую себе, а милицию Марьяне. Конечно, никакого разговора о возвращении на работу быть не могло, а без секретаря Михалыч был действительно как без рук. Марьяна не врал: она была и рукой, и ногой тучного, не очень здорового, страдающего одышкой Михалыча.

Танюшка вышла на работу в тот же день. За несколько часов она привела в порядок все папки, такие же растрёпанные и неряшливые, как и их теперь уже бывшая хозяйка. Переставила мебель так, чтобы было удобно подойти к любому шкафу или полке и взять нужную вещь, не демонстрируя своих женских прелестей. Вечером, когда Михалыч ушёл домой, она отмыла и отдраила его кабинет (её совершенно не устраивало, как это делала уборщица), развесила фотографии и календари, которые кучками валялись по углам, – в общем, навела чистоту и порядок, придав помещению опрятный и деловой вид.

Утром, втянув ноздрями одуряющий запах кофе, Михалыч прибавил шагу, забыв про вечно ноющую ногу. И не зря: на столе, помимо кофе в турке, аппетитной горкой красовались горячие булочки. Танюшка вошла в кабинет с блокнотом и ручкой. На ней был тот же сарафанчик, в котором она стояла на рынке, только сверху горделиво красовался лёгкий пиджачок, который должен был придавать солидности. Вся одежда была чистая и отглаженная. Тут до Михалыча дошло, что он не позаботился о Танюшкином ночлеге. Где она спала, как наводила марафет – неизвестно. В ответ на вопросы она только отмахивалась: «На рынке всё можно найти: и койку, и уют, и воду».

Такое начало Михалычу понравилось. У него была в запасе служебная комната, куда он немедленно поместил свою новую сотрудницу и начал погружать её в дела рынка. Танюшке было легко. Рынок она знала не хуже хозяина. Только знала его по-другому, как бы с изнанки, видела то, о чём Михалыч даже и не догадывался.

«Не обманешь – не продашь», – часто повторяли торговцы и подсовывали магнит под чашу весов, прикрывая его тряпкой. Если вдруг появлялся бдительный покупатель, продавец отодвигал тряпку в сторону, делая вид, что протирает прилавок. А яблоки разных сортов... Покупатель думает, что покупает те, что получше и, соответственно, подороже, а ему отпускают низкосортные. Поди проверь. Тут в голове калькулятор надо иметь.

А витрины... Это целое искусство – выкладывать в неё фрукты и овощи: сверху кладутся самые спелые, красивые, а снизу – подгнившие или сморщенные. Ну а под прилавком – полная разносортница, валяется что ни попадя. И не приведи господи, покупатель сам захочет выбрать товар – на него польётся поток обвинений: и что помнёт плоды, и испортит композицию, кото-

рую так долго создавали, и ещё бог знает что. У каждого жулика свои испытанные аргументы: главное – смутить, обескуражить покупателя.

Самыми уязвимыми были пенсионеры: и видят плохо, и ходить тяжело, а уж с устным счётом совсем беда. Танюшка издали чужа такие разводки. Она и раньше пыталась стыдить хитрецов, но её просто посылали далеко и надолго, продолжая своё. А теперь она, наделённая полномочиями, просто объявила войну мошенникам – её боялись, а значит, уважали. А липовые документы – она отличала настоящую справку от поддельной, едва взяв в руки.

В общем, Танюшка прижилась. Михалыч в ней души не чаял. Она успевала везде и всё. Помимо работы, занималась музыкой с его дочкой, и та делала заметные успехи. Только одно вызывало некоторую обеспокоенность домочадцев директора – так, досадная мелочь. У Михалыча в доме жила огромная лохматая собака-лайка. Добрая и ласковая, как кошка. Она виляла хвостом и готова была облизать всех гостей: и вместе, и каждого по отдельности. И только на Танюшку у неё была странная реакция. Ещё только почувствовав её приближение, собака ложилась на пол, прижимала уши и дрожала всем телом. Никто из членов семьи, даже Михалыч, не мог сдвинуть её с места. Никакие увещевания не помогали. И даже кусочек мяса, который Танюшка с разрешения хозяина протягивала собаке, оставался на полу. Та не подходила к лакомству.

– Да не переживайте, – отмахивалась Танюшка, – от меня просто кошками пахнет.

Домочадцы с облегчением соглашались с этим немудрёным объяснением. Им было неудобно перед гостьей.

Со временем Михалыч попросил своего друга, директора ресторана «Седьмое небо», составить ей протекцию в эстрадный ансамбль. Танюшка радостно помчалась на собеседование. Она ещё не успела дойти до кабинета директора, когда в неё с разбегу, с первого взгляда, влюбился гитарист Валерка. Опоздав на репетицию, он на всех парах ворвался в холл ресторана и увидел одинокую фигурку хрупкой девушки, робко озирающуюся по сторонам. «Заблудилась, бедолага», – решил он и, обуреваемый желанием помочь, резко затормозил, чуть не врезавшись в Танюшку. Чтобы не упасть, обхватил её обеими руками. Они оба прыснули со смеху от неловкой ситуации. Валерка галантно проводил её в искомый кабинет и стал ждать у двери окончания разговора, наплевав на уже начавшуюся репетицию. По дороге он выяснил, что девушка будет пробоваться в их ансамбль, и сразу для себя решил, что никому её не отдаст. Он представил её руководителю, подыгрывал ей на прослушивании, настоял на том, чтобы её приняли.

– Да она же никакая, – говорил руководитель, – посмотри, как на сцене держится, словно чувствует себя виноватой и за себя, что петь неплохо умеет, и за нас, что играть посмели. Так все зрители разбегутся – тоже себя виноватыми почувствуют за то, что нас, виноватых, смотрят и слушают.

– погоди, Сундук (это была кличка руководителя, Сергея Сундукова), дай мне месячишко. Я из неё такую певицу сделаю – закачаешься! Нас на части рвать будут, приглашать на все вечера.

Сундук нехотя разрешил, безнадежно махнув рукой. Валерка же, почувствовав себя творцом, начал жёстко, почти жестоко, лепить из Танюшки певицу. Обладая абсолютным слухом и безукоризненным вкусом, он первый уловил, что её голос похож на голос одной эстрадной певицы, ещё не взошедшей на Олимп, но уже заявившей о себе, и разучивал песни из её репертуара. Он гонял подопечную по сцене, как два года назад его гонял по плацу прапорщик Нечитайло, отработывая строевой шаг. У прапорщика были свои методы воспитания молодых бойцов, поговорки и присказки на все случаи жизни.

– Где мы – там победа! – кричал Валерка охрипшим голосом прапорщика. – Сбили с ног – сражайся на коленях! Встать не можешь – лёжа наступай!

– Я не могу лёжа, – едва сдерживая слёзы, отвечала Танюшка, – я задыхаюсь. Петь и танцевать одновременно невозможно. Попробуй сам! Ты-то стоишь стоймя с гитарой в обнимку, а у меня дыхание сбивается.

Музыканты, глядя на эту муштру, жалели Танюшку, уговаривая Валерку сбавить обороты.

– Ничего, – орал уже почувствовавший скорую победу Валерка, – тяжело в учении, легко в бою – не дурак сказал!

– Это Суворов сказал, обалдуй! Только Татьяна не в армии служит – может и сломаться. Сбежит от тебя, будешь знать!

– Никуда не денется, кто ж её отпустит? У неё деревенская закваска. Мы, деревенские, всё умеем, нам трудности нипочём: и корову подоить, и хряка зарубить, а вечером как ни в чём не бывало частушки в клубе распевать.

– Да-да-да, – весело отзывались музыканты, – ещё и коня на ходу остановить, и про горящую избу не забудь...

– Да ну вас, – отмахивался Валерка, – лишь бы позубоскалить, а я вам солистку готовлю. Да такую – зашибись!

– Ты ничего не спутал, батя? Нам не солистка нужна, а бухгалтер. Просто директор попросил – мы её и взяли на подтанцовки. Пусть фон создаёт.

Валерка сделал, что обещал. Через месяц мучений Танюшка и запела, и даже двигаться по сцене начала в такт мелодии. А красное платье в пол, которое она сама сшила, дополнило образ опытной, привычной и к более серьёзной сцене певицы. Слепив из Танюшки солистку, Валерка потащил её в ЗАГС. Он так дорожил ею, так лелеял этот образ, созданный им же самим, что хотел любыми способами удержать её рядом. Ему казалось, если они официально зарегистрируются, Танюшка никуда от него не денется: будет везде с ним гулять под ручку, петь его песни, рожать ему детей. Он уже начал подбирать репертуар для их совместных выступлений, без ансамбля. И видел себя с будущей женой камерными исполнителями, поющими романсы: только он и она, голос и гитара. И никаких усилителей и улучшителей звука – натуральное, естественное звучание.

Он перебрал все знакомые романсы, и вдруг его осенило.

– Слушай, а давай возьмём стихи Есенина за основу. Многие уже положены на музыку, а к тем, где музыки ещё нет, я сочиню. У него такие стихи, что сами по себе поются, – особого таланта не надо, чтобы их исполнять. Главное – почувствовать.

Следующую неделю Валерка ходил с томиком стихов Есенина, периодически открывал и пел:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым...

Это я пою. Дальше ты вступаешь:

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком...

А дальше вместе:

И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Танюшку совсем не вдохновляла перспектива полностью привязываться к Есенину:
– Чудесные стихи, я согласна. Но Есенина уже пели-перепели, и мы туда же. Есть же другие прекрасные романсы. Послушай:

Он говорил мне: «Будь ты моею,
И стану жить я, страстью сгорая;
Прелесть улыбки, нега во взоре
Мне обещают радости рая».

Или та же «Калитка». Нельзя ставить себя в такие жёсткие рамки.

– А эти романсы не пели? Да я с детства их знаю.

– Вот и хорошо, что с детства. Все их знают – будут подпевать.

Они спорили до хрипоты, но никогда не ссорились всерьёз. Если Танюшка надувала свои пухлые губки и отходила в сторону, Валерка тут же подскакивал к ней и соглашался петь всё, что она захочет, лишь бы была довольна. Как же тепло становилось на сердце, когда он представлял эту идиллическую картину – всегда вместе, всегда рядом: и в жизни, и в творчестве, – и ничто, никакие обстоятельства не могут разрушить их союз!

Всё было чудесно. И только одно омрачало Танюшкину душу: с её стороны не было самого главного – любви. Их роман так стремительно развивался, что она не успела полюбить. Она честно призналась в этом. Валерку это ничуть не смутило.

– Ничего, – говорил он, – полюбишь. Куда денешься? Я же хороший. Меня нельзя не любить.

Так Танюшка стала Проказой. Если уж не везёт с фамилией, то это, видимо, надолго...

Она прожила с Валеркой три года, но любовь так и не пришла, как она ни старалась. Валерка просто из кожи вон лез, чтобы ублажить подругу, просто делал он это по-своему, по-Валеркиному: говорил ей приятные слова, осыпал комплиментами. Только в силу своей ограниченности всё время повторялся. Особенно если выпивал. Эти его тексты Танюшка знала наизусть.

– Ты така-ая ба-а-аба, – начинал он нараспев, – офигительная! Я таких никогда не встречал. Я готов быть ковриком у твоих ног. А ты можешь топтать этот коврик как хочешь, я разрешаю. Топчи меня, дорогая, топчи. Ну, иди ко мне:

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, —
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

Далее шли другие стихи Есенина.

Сначала Танюшке нравилось: она слушала как зачарованная – ей ещё никто не читал стихов. Да ещё с таким выражением, да с пьяными слезами на глазах, да с поцелуями и ласками! Но через полгода ей надоели и Валерка, и Есенин, и пьяные излияния, и плохое настроение с похмелья, когда муж срывал злость на ней, придираясь к каждой бытовой мелочи.

– Ты когда мои сорочки замочила? – яростно орал он. – Три дня уже в тазу валяются!

– Что ты орёшь? – огрызнулась аккуратная и хозяйственная Танюшка. – Только вчера вечером. Мы же вместе пришли, не помнишь, что ли? Ну конечно, куда уж там... Ты же пьяный был в дупелину. Еле вытащила тебя из такси.

Танюшка с ненавистью вспомнила, как Валерку угощали уже не совсем трезвые гости ресторана в благодарность за хорошее исполнение романсов, как он заплетающимся языком

благодарил, как заснул потом в такси, и она, маленькая и хрупкая, не знала, с какого боку заходить, чтобы вытащить из машины его длинное беспомощное тело.

Валерка всё ещё ждал ответного чувства от Танюшки, а вместо него приходило раздражение, часто переходящее в злость.

– Квартиру пропылесось, – приказывала она, ставя пылесос перед Валеркой, валяющимся на диване с томиком стихов.

Он рассеянно кивал и даже делал движение, говорящее о том, что уже встаёт. Иногда действительно вставал, но только для того, чтобы положить на стул книжку и взять гитару. Она яростно гремела кастрюлями на кухне, хлопала дверью, уходя в магазин за продуктами. А он не замечал... Не замечал, как постепенно она отдаляется, уходит одна в гости к подружкам, неделями не разговаривает с ним. Ему казалось, что это пройдёт, что это бытовуха, мелочи совместной жизни. А главное – его любовь, которая победит всё.

Но любовь не победила. Танюшка всё чаще выгоняла его спать на кухню или просто с ненавистью отворачивалась к стене, никак не реагируя на его попытки обнять и приласкать её холодное тело. Это было сокрушительное поражение, которое он не смог перенести. Пришли запои – страшные, убивающие не только любовь, но и простые человеческие отношения. Танюшке надоело подставлять ему тазики, бесконечно мыть полы и самого Валерку. Она вызвала его родителей – славных людей, которые жили в деревне под Минском, – и сдала им ничего не понимающего, мычащего что-то нечленораздельное сына.

Развод был простой формальностью, с которой Танюшка легко справилась, не забыв при этом вернуть свою девичью, не очень благозвучную, но всё-таки родную фамилию Худолей.

Глава 6.

Самиздат и тунеядец

Пётр Маркович медленно, с каким-то особым тщанием и осторожностью открыл пачку писчей бумаги, вынул чистые листы и заменил другими – с напечатанными статьями, которые подготовил для издания первого выпуска журнала «Поиск». Затем аккуратно заклеил обёртку и придирчиво повертел в руках: пачка выглядела так, будто только что сошла с прилавка канцелярского магазина. Её нужно передать Кену Норману, корреспонденту радиостанции «Свобода». Инструкцию для своих действий он нашёл под дверным ковриком. Кто её туда положил и когда, он не знал. Но твёрдо усвоил, что всякий раз, выходя из квартиры, нужно приподнимать этот самый коврик, о чём ему завуалированно сообщил по телефону голос, похожий акцентом и интонациями на голос дворника Ахмета:

– Коврик ператраховат надо, пыл собраль много.

Именно с этого момента – телефонного звонка – и началась детективная история по подготовке подпольного журнала к печати, а главным исполнителем должен был стать именно Пётр Маркович. Куда подевалась его привычная рассеянность? Он продумывал каждую деталь, каждое действие с такой же точностью, как в своё время на войне, готовясь к боевой операции. Здоровье, правда, уже не то: начиналось бешеное сердцебиение только от мысли, как он будет выполнять инструкцию.

Пётр Маркович, входя в здание Центрального телеграфа, взглянул на часы. Два сорок пять. До начала операции ещё пятнадцать минут. Чтобы не привлекать внимания, он протиснулся в самый дальний угол – здесь его не будет видно за спинами мощных мужиков. «Сибиряки, наверное», – с каким-то облегчением подумал он, чувствуя себя защищённым.

Вдруг сквозь равномерный гул голосов услышал знакомые интонации:

– Послушай, Петро, посоветуй: может, мне на работу устроиться? Менты заколебали, да и на вашего брата тратиться приходится.

Пётр Маркович нервно оглянулся. Нет, к нему здесь, в Москве, так запанибратски никто не обращался. Но голос! Голос явно принадлежал Кире. «Что он в этой толпе делает? С каким Петро разговаривает? Причём о работе. Неужели на недоросля подействовало письмо в прокуратуру, которое он написал от имени соседей?»

Кире ответил густой бас:

– Посоветую – что же не посоветовать? У нас же Страна Советов, сам знаешь. Тебе в бар нужно идти работать. Лучше в валютный. Но там, во-первых, язык хоть чуть-чуть нужно знать, а во-вторых, контора пристально следит – уж больно лакомый кусочек эта работа.

– А почему в бар?

– Потому что у тебя на лбу огромными буквами нарисовано: «БАРМЕН». Ты же фокусник. Я видел, как ты ловко шмотки под одежду прячешь. Не каждый на это способен. А там ребята такие фокусы вытворяют – закачаешься! И левые напитки с собой приносят, и наливают не совсем по норме. Кто увидит, что ты там бодяжишь? На то и стойка построена, чтобы за ней нельзя было разглядеть, что происходит. Наваривают вполне конкретно. Не меньше, чем ты фарцовкой.

Пётр Маркович нашёл щёлку между спинами сибиряков и осторожно осмотрел зал. В нескольких шагах от него, вполоборота к окну, стоял Кира, беседуя со свирепого вида человеком с огромными, как у Тараса Бульбы, усами, одетым в какую-то диковинную униформу.

– Слушай, мне эта идея нравится. И трудовую выдадут, и корочку.

– Думаешь, это легко? Чтобы такую должность получить, деньги заплатить надо, и немалые. – Кирин собеседник выразительным жестом подкрепил свои слова. – Мало того, у тебя

трудовая книжка должна быть и характеристика с прежнего места работы. Это всё-таки система «Интуриста», не шарашкина контора.

– Ну вот, – с деланным разочарованием произнёс Кира, – заманил красну девицу, соблазнил и бросил. Нехорошо. Для меня это всё нереально, понимаешь? Я ни дня не работал до сих пор.

– Так всё равно рано или поздно придётся решать эту проблему. Годы-то идут – и довольно быстро, поверь мне. И чем больше этих годков пролетит, тем болезненней будет вопрос: «А чем ты, мил человек, занимался все эти годы?» И постепенно станешь ты деклассированным элементом в лучшем случае, а в худшем – с отсидкой, после которой на приличную работу тебя и не возьмёт никто.

– Петро, так, может, ты не только советом поможешь? Как-то убедительно у тебя всё звучит.

С этими словами мужчины пошли к выходу, продолжая беседовать. Пётр Маркович вздохнул с облегчением: встретить знакомых во время проведения секретной операции – самое большое невезение. Стрелка часов приблизилась к трём, и он стал протискиваться к столику, за которым стояли люди, заполняя бланки телеграмм. Взял свой, положил пачку с бумагой на стол и тоже стал старательно выводить адрес, который пришёл ему на ум. Это был адрес колхоза, где он когда-то работал председателем, пытаясь внедрить на практике свою модель социалистического общества.

Какой же текст придумать? «Грузите апельсины бочками», – вспомнил он Остапа Бендера и сам почувствовал себя чуть-чуть аферистом. Но не успел провести аналогию между собой и известным литературным героем, как к столику подошёл человек – явно иностранец, – придвинул к себе бланк и начал что-то писать.

– Правильно? – обратился он к молоденькой барышне, которая оценивающе изучала написанное. – А то я не совсем перфектно понимаю по-русски.

Девушка захихикала, кивая, а иностранец, как бы случайно прихватив пачку с бумагой, которую минуту назад положил на стол Пётр Маркович, спокойно удалился.

«Ну вот и всё, процесс пошёл», – подумал Пётр Маркович, смял так и не заполненный бланк телеграммы и выбросил его в урну.

* * *

Ящер сменил Циклопа и занял своё обычное место в дверях гостиницы «Интурист». Было время возвращения с экскурсий: один за другим подъезжали огромные «Икарусы», и из них неспешно, разминая затёкшие от долгой дороги ноги, вылезали иностранцы. Ящер цепким взглядом профессионала разглядывал каждого. Спокойно прошли австралийцы, говорящие между собой по-украински. Этих он знал: бывшие наши, угнанные немцами и не вернувшиеся после войны.

«Ишь ты, куда забрались, – думал Ящер, – на другой конец света. И правильно сделали». Его-то отец вернулся на родину и маялся ещё пять лет по лагерям. Приехал домой не героем войны, а беззубым эком с явными признаками туберкулёза. «Сколько лет прошло, а на родину тянет, одна делегация за другой – всё едут и едут. Благо послабление вышло – разрешают им смотреть на наши достижения».

Чинно прошли чопорные англичане – сэры и «сэрицы», как он их мысленно называл; французы – о-ля-ля, оставили за собой шлейф нездешнего парфюма. Вот и американцы, вечно жующие жвачку и нагло ему подмигивающие. А это что за маскарад? Пошли приветливо улыбающиеся индусы в чалмах и без. Ящер невольно улыбнулся им в ответ, сняв на мгновение обычную маску безразличия. И вдруг – кто это? Среди индусов шёл наш. Тоже в чалме, и лицо загорелое, но Ящер был уверен, что наш.

Он загородил ему дорогу и сказал:

– Отойдёте, товарищ, поговорить надо.

Индус заверещал что-то на непонятном языке, но Ящер был неумолим: ловко отсёк мнимого индуса так, что тот не мог двинуться с места, не мешая при этом проходу группы.

Отведя его в сторону, сказал:

– У тебя есть два выхода: либо ты валишь отсюда и больше не появляешься, либо вызываю контору.

«Индус» продолжал возмущаться. Ящер взял рацию и, отвернувшись от задержанного, произнёс:

– Первый, первый, приём.

«Индус», продолжая что-то говорить, в один прыжок оказался у двери – и был таков.

Кира, наблюдавший всю сцену, подошёл к Ящеру:

– Слушай, как ты их колешь? Ума не приложу. Индус как индус – загорелый, ничем от своих собратьев не отличается. Научи, я тоже так хочу.

– Этому не научишь, – пробасил Ящер, усмехаясь в усы и разводя длинными руками гандболиста, – вижу и пэцэ.

Он так и произносил: «Пэ-цэ», дабы не ругаться матом, а эмоцию выразить. Подошёл Циклоп, и Ящер вместе с Кирой удалился от гостиницы, избегая лишних глаз и ушей, чтобы продолжить начатый в зале Центрального телеграфа разговор.

– Так что, ты и вправду можешь с работой помочь или так, идейками разбрасываешься? – В голосе Киры звучал неприкрытый скепсис.

Ящер усмехнулся:

– Думаешь, ты у меня первый? Я из вас, лоботрясов, трудовые кадры кую уже не первый год. Трифонова знаешь?

Кира даже присвистнул. Кто же не знал Трифонова! Тот был начальником отдела снабжения гостиницы. Перед ним заискивали все: от уборщиц до начальства. А он, хитрец, дёргал за нужные ниточки и открывал любые двери.

– Мой питомец, мой... Я его ещё в шестидесятых запустил в нужном направлении, а сейчас он другим помогает. Не бесплатно, конечно. Он из тех же, что и ты. Фарцевал, стилигой был, рок-н-рольщиком, мать его. Не любил я эту публику, дрался с ними на улицах. Но он хитрее оказался: пристроил меня в «Националь» «вратарём». Чтобы я тоже к сладкой жизни прикоснулся, а заодно пускал его в гостиницу – перехитрил, подлец. А потом, когда я связями оброс и понял, что к чему, уже я из него человека сделал. Определил экспедитором в отдел снабжения. Дальше уж он сам раскрутился. В общем, если надумаешь, мигни правым глазом.

Кира думал неделю: прикидывал так и этак – не получалось жить в Советском Союзе и не работать.

Ящер оказался человеком слова. Устроил встречу с Иванычем – Виктором Ивановичем Трифоновым – у Киры дома, подальше от посторонних ушей. Собственно, совещались двое: Ящер и Иваныч. На Киру они не обращали никакого внимания, как будто его и не было вовсе. А потом нарисовали ему такой путь наверх, что он впал в тихую панику. Начинать нужно было с простейшей работы: грузчиком в магазине, слесарем или дворником в ЖЭКе, чтобы получить трудовую книжку.

Сначала Кира отмёл всю схему, «поблагодарив» друзей за добрые намерения.

– Я – и с метлой! – негодовал он. – Посмотрите на меня! Как вы себе это представляете? Да мне эту метлу никто не даст. Я же не знаю, с какого боку к ней пристроиться.

– А что, – с лукавой усмешкой говорил Иваныч, – хорошая работа, на свежем воздухе. Встаёшь рано, ложишься рано. В пять утра вышел, в девять всю работу закончил – делай что хочешь. Ты знаешь, что многие известные рок-н-рольщики дворниками работают? Тоже не хотят проблем с властями за тунеядство.

– Да у меня даже одежды подходящей нет, – продолжал сопротивляться Кира. – Я что, в кожаном пиджаке с метлой ходить буду? Или в белом костюме?

– Не дрейфь, – вторил Иванычу Ящер, незаметно тому подмигивая, – мы тебе отменную телогреечку справим. Лучшая одежда для работы.

Через два часа отчаянной борьбы Кира сдался:

– Ладно, попробую. Уж больно перспективы красочные рисуете.

На самом деле Ящер с Иванычем просто издевались над щёголем Киры. Когда тот пришёл к начальнику указанного Иванычем ЖЭКа, тот сразу сказал:

– Трудовая будет завтра. За зарплатой приходишь второго и пятнадцатого каждого месяца, расписываешься и отдаёшь деньги мне.

Никто не собирался из избалованного Киры ковать трудовые кадры. Мёртвые души обитали в каждом ЖЭКе и неплохо себя чувствовали, несмотря на то что были мёртвыми.

Через полгода Кира принёс трудовую книжку и характеристику с места работы и, поднявшись вместе с Ящером в кабинет Трифонова, с деланной небрежностью бросил документы на стол. Тот строго, поверх очков посмотрел на него, взял маленькую бумажку для записок и написал на ней какие-то цифры. Показав её Кире, порвал на мелкие кусочки и изрёк:

– Принесёшь – будем дальше разговаривать.

Кира побледнел. Это была сумма взятки, значительно превышавшая его ежемесячный заработок.

– Виктор Иваныч, вы обо мне слишком хорошо думаете.

– Я о тебе нормально думаю. Мозгами пораскинь – может, что-нибудь и сообразишь. Без этого никак. Я даже переговоры начать не смогу. Эти бумажки забирай пока. Молодец. Первый этап выполнил. Приступай ко второму.

Когда Кира вышел из кабинета Иваныча, на нём лица не было. Его даже слегка мутило. Он безвольно прислонился к стене. Ситуация была патовая. Где взять такие деньжищи? Все, кто мог ссудить хоть какую-то сумму, второй раз с ним не связывались. Просить под какой-то нереальный проект, практически под светлое будущее, под коммунизм, призрак которого уже лет сто бродит по Европе? Дураков нет. Особенно среди деловых людей.

Ящер, сразу заметивший настроение Киры, вытащил его на улицу «покурить». Разговаривать о таких делах в помещении администрации или даже в холле гостиницы было опасно: везде торчали уши, натуральные или искусственные.

– Ну что, Емея, голову повесил?

– Да в такую историю ты меня втянул, хоть вешайся! Не достану я таких сумм, и дяди-миллионера у меня нет.

– Зато у тебя товарищ есть, Петро зовут, не в курсе?

– В курсе. Ты что, денег мне дашь?

– Могу и дать. Только не под воздух – я должен быть уверен, что вернёшь. В Иваныче-то я не сомневаюсь. Он слово держит. Работу ты получишь. Но всякое бывает: не сработаешься, погоришь на мелочи. Зачем нам врагами становиться? Деньги вышибать – не очень приятное занятие, поверь. Я на этом собаку съел.

– Ну и что ты предлагаешь, – насторожился Кира, – сберкассу ограбить?

– Примитивно мыслишь. Есть много способов заработать, без шума и пыли.

– Например?

– Квартиру свою сдай, пусти одного человечка пожить. Есть у меня такой на примете. В Москве наездами бывает. За приют благодарит от души. Только платить он мне будет, а жить у тебя.

– А я куда денусь?

– Можешь никуда не деваться. Комнату освободи. Ему только ночлег нужен, а целый день он занят.

– Гастролёр, что ли?

– Ну, типа того.

– Чтобы он ментов на меня навёл? Спасибо! Я и так как по лезвию ножа хожу.

– Знаешь, как говорят: «Бог не выдаст, свинья не съест». Ну сдай хату приличным людям – поживи у родителей на даче годик. Всё равно пахать начнёшь – с утра до вечера занят. Тебе квартира нужна будет только отоспаться. И то не каждый день.

– Да они с ума сойдут: не зря от меня сбежали, я же неуправляемый.

– Это когда ты бездельем маешься. Пойдёшь работать – не до гулянок будет.

– Ну ладно, давай своего гастролёра. Рискну.

Жизнь с Сашей Косым, известным каталой из Батуми, напоминала какую-то фантазмагорию. Являлся он под утро, отпирая замок своим ключом, который Кира скрепя сердце ему выдал. Проходил бесшумно, так же, как и открывал дверь. Кира удивлялся, как ему это удавалось. Просыпался же он от нестерпимого запаха, появление которого всего лишь означало, что Саша снял носки и завалился спать. Носки тот не стирал, он их проветривал на балконе. Кира недоумевал: как с ним люди за одним карточным столом сидят? Он даже как-то решился спросить у Саши, осушив с ним полбутылки виски.

– Я же за столом ботинки не снимаю, – невозмутимо ответил Саша, одновременно проделывая какие-то манипуляции с картами. У него всегда в руках было несколько карт, которые он непрерывно перебирал пальцами. – И потом, на что же туалетная вода?

От него действительно всегда за версту несло одеколоном, как из парфюмерного магазина. Как-то Кира увидел, как Саша, наливая в ладонь дорожную жидкость, преимущественно французскую, опрокидывал её на голову, затем протирали щёки и шею.

– Слушай, – подсмеивался Кира, – а душ принять не дешевле будет? Я за посещение своего санузла денег не беру. Мыло у меня душистое, фирменное. Аромат не хуже, чем от твоего парфюма.

Он постепенно приучил Сашу пользоваться душем, а тот в знак благодарности научил Киру некоторым премудростям карточного шулерства, приговаривая:

– Вдруг когда пригодится! Ты же не знаешь, как жизнь сложится.

Теперь Саша просто не вылезал из душа – так ему понравился этот процесс. Выходил розовощёким, посвежевшим, довольным, со словами:

– Спасибо, брат. Я раньше мытьё воспринимал как какую-то повинность, типа трудовой. Я же из деревни, удобства во дворе. Ведро воды на голову опрокинешь – и вперёд за медалями. А сейчас без душа даже соображаю как-то плохо. Мне кажется, что сильная струя мозги прочищает. И ещё появилось ощущение, что всё дурное уходит. Главное, включить на полную мощность, чтобы как летний ливень – сильный, мощный.

Кира вполне мирно уживался со своим жильцом, даже иногда выпивали вместе. Только теперь всё это происходило гораздо реже. Ящер оказался прав: Кира работал в баре по двенадцать часов, два дня через два. Только не в гостинице «Интурист» – туда устроиться было невозможно, своих блатных хватало. Трифонов пристроил его в мотель «Можайский», который тоже относился к системе «Интурист», только находился на выезде из города, на Можайском шоссе.

Заведение оказалось весьма специфическим. Там в основном останавливались иностранные дальнобойщики, состоящие процентов на девяносто из пьяных финнов. Так, во всяком случае, казалось Кире. Финны или, как их называли в мотеле, «финики» напивались сразу, как только лихо выпрыгивали из своих огромных фур. Нужно было поймать момент, пока «финик» был ещё не очень пьян, и убедить его сходить в номер за товаром.

– Эй, браток, шмотки принеси! – Кира обратился к водителю, сидевшему прямо у стойки бара. Наблюдая за тем, как постепенно его глаза наливаются кровью и становятся бессмысленными, добавил: – Мне смену сдавать, ухожу.

Дальнобойщик упорно не хотел двигаться с места, пока Кира не перестал ему наливать, рискуя нарваться на скандал. Тогда тот неохотно, уже не очень твёрдо держась на ногах, побрёл к лифту. Долгий час его не было. Кира нервно ходил по холлу мотеля: он не привык сдавать смену, не обеспечив себя товаром. Наконец позвонил «этажерке» – дежурной на этаже. Та постучалась к «финику» и услышала громкие стоны. Вызвала, как положено, службу охраны, вошли в номер. Стоны доносились из запертой изнутри ванной. Пришлось ломать замок. Постоялец лежал в ванне лицом вниз, а из затылка сочилась кровь. Вызвали скорую, и Кира вместо заказанных голубых джинсов увидел только носилки с полуживым человеком, которого спустили с этажа санитары.

Он поинтересовался, что произошло.

– Перелом большой берцовой кости и травма черепа, – ответили ему.

Видимо, интурист, вернувшись в номер, в одиночку выпил ещё и решил принять душ. Неловко поскользнулся в ванне, падая зацепил шланг и получил душевой лейкой по голове.

За санитарями бежала «этажерка» Клавдия Ивановна. Она подошла к Кире и прошептала:

– Если бы ты не позвонил, неизвестно, выжил бы. Мы бы только утром его обнаружили во время уборки. Крови много потерял – к завтраму мог и вообще кони отбросить.

– Так если вернётся, вы ему намекните, Клавдия Ивановна, благодаря кому он коньки не отбросил, а кони тут вообще ни при чём.

Клавдия Ивановна отмахнулась:

– Умничай-умничай, доиграешься! Не каждому это понравится.

– Всё. Как завязал. Не обижайтесь. Намекнуть только не забудьте.

Клавдия Ивановна намекнула, но, видимо, не на Киру, а на себя. Потому что и джинсы, и батники, и даже видеомагнитофон совершенно бесплатно оказались в её руках как щедрый дар от спасённого постояльца. А она через того же Киру пыталась сбыть их. Он сначала разозлился, а потом смекнул, что Клавдии Ивановне можно отдать меньше денег, чем «финику». Он договорится с ней о доле от выручки, а за какую цену продаст вещи, ей знать необязательно.

Через некоторое время Кира стал делать заказы постоянным гостям, которые формировал под определённого клиента, что приносило ему в разы больше денег, чем прогулки около «Интуриста». Он довольно быстро расплатился с Трифоновым, но с Сашей Косым расставаться не спешил: тот, помимо платы за проживание, ещё снабжал Киру заказами от батумских толстосумов.

Бизнес набирал солидные обороты. Кира купил шикарные, ослепительно-белые «Жигули», поставил туда фирменную акустическую систему с мощными колонками. Из машины всегда гремели последние, ещё неизвестные советским людям мелодии. Он гордо разъезжал по городу в своей роскошной музыкальной «шкатулке», подмигивая симпатичным девочкам из открытого окна. В ответ неизменно получал как минимум улыбку, а как правило – номер телефона.

За два года он так чётко организовал потоки товара, а взамен потоки денег, что и Трифонов, и Ящер зауважали его. И если бы не Саша Косой, который со своими шулерскими делами залез на чужую территорию, то, возможно, Кире бы удалось успешно «трудиться» и сладко жить многие годы. Но Саша подставил его по-крупному, выиграв кучу денег там, где играть ему никто не позволял, и быстро смылся в неизвестном направлении. Только успел позвонить Кире из телефона-автомата и голосом Брежнева, который виртуозно имитировал, произнести: «Дорогой товарищ, меня не было, и ты меня не знаешь. Никаких дел со мной не имел».

У Киры ёкнуло сердце. Он понял, что у Косого неприятности. Память, как нарочно, сразу же воскресила другую историю, от которой его трясло мелкой дрожью.

Кира был знаком с огранщиком бриллиантов, гордившимся умением изготовить бриллиант из обычного стекла. Он уверял Киру, что всё дело в том, под каким углом падает свет и как преломляется:

– Это такие бабки, Кира! Попробуй – не пожалеешь! Голову даю на отсечение: ни один оценщик не определит, что камень ненастоящий.

Кира попробовал. Взял несколько камешков, отдал ювелиру, тот вручную изготовил колечко и серёжки. Отнёс в комиссионный магазин на оценку. Оценщик и вправду не заподозрил подделку. Кира быстро организовал весь процесс. Огранщик гранил, два ювелира трудились над оправами, он продавал. Сначала каждое изделие оценивал, стараясь выбирать разных специалистов – результат всегда был положительный.

Он уже сам почти уверился в подлинности своих камешков, забыв об осторожности. Ручеёк из украшений с поддельными бриллиантами плавно тёк в Армению и приносил всем участникам концессии хорошие деньги. Киру распирало от гордости, он себя чувствовал просто гением бизнеса. Ему начали делать заказы – так работать было гораздо удобнее. И вот как искушение, как морковка для зайца: поступила просьба изготовить кольцо и серёжки с крупными камнями, не меньше карата каждый.

Кира пришёл к огранщику с вопросом, возможна ли обычная операция на крупных камнях. Тот задумался, зная, что с крупными камнями могут быть проблемы – их более внимательно смотрят. Но, видимо, у него тоже началось головокружение от успеха, и он через пару дней согласился. Спустя месяц Кира вёз «дорогостоящий» комплект заказчику в Армению.

Заказчик – директор трикотажной фабрики, который собирался презентовать комплект какому-то крупному чиновнику из ОБХСС в качестве подарка на свадьбу его дочери, вышедшей замуж за сына ещё более высокого начальника министерства лёгкой промышленности. Достойный свадебный подарок был просто необходим. В этой цепочке все очень деловые и занятые люди. К тому же сроки поджимали – никому не пришло в голову проверить изделия.

Гром грянул через несколько месяцев. Молодая жена отдала кольцо для переделки на ювелирный завод. Там кто-то заподозрил неладное, провели серьёзную экспертизу, и «бриллианты» превратились в то, чем, собственно, они и были с самого начала – в банальные стекляшки. Трикотажную фабрику начали трясти с проверками по приказу покровителя из ОБХСС, а сам покровитель готов был сквозь землю провалиться из-за страшного, катастрофического позора перед новыми именитыми родственниками.

Киру подняли прямо с постели. Нет, не бравые милиционеры. Двое в чёрных кожаных куртках, что было гораздо опаснее. С ментами Кира бы договорился, а с этими... Они по-русски даже с трудом понимали. Просто имбецилы: деньги давай, и весь разговор. Сумма внушительная: три цены комплекта.

Как обычно, денег у Киры не было. Его посадили в чёрную «Волгу», приставив к боку острый ножичек, и весь день катали по знакомым, у которых Кира пытался частями добыть искомую сумму. Занятие казалось невыполнимым. К концу дня подвели итоги. Кое-что удалось чуть ли не силой выжать из родителей; конфисковать с помощью тех же гастролёров у подельников; выпросить у подружек, взяв их на жалость; обманом получить предоплату под заказы на шмотки – но всё это не делало и половины требуемой суммы.

К удивлению Киры, его отпустили, сказав напоследок: «Ты нам должен, копи». Ему просто давали возможность заработать. Потом вылавливали ещё несколько раз в течение года, история повторялась. Кира пытался скрываться, сдал в аренду свою квартиру, жил у друзей и подружек в разных районах Москвы и ближнего Подмосковья, но его неизменно находили. Он проклял всё: и афериста-огранщика, втянувшего его в авантюру, и себя-неудачника, а заодно и всех армян, живущих на Земле. При слове «Ереван» его мелко потряхивало.

На этот раз вымогатели действовали по-другому: за ним повсюду следили какие-то люди. Появлялись то дома, то прямо у стойки бара в «Можайском». Поначалу просто предупреждали,

что им доподлинно известно о его делах с Косым, и требовали деньги, которые тот якобы хранил у Киры.

Кира не спал ночами, не выключал свет – ему везде мерещились типы в тёмных очках и с пистолетами в руках. Ящер и Трифонов помочь не могли, но быстро поняли, что его нужно срочно прятать. Кира в спешном порядке уволился из бара по собственному желанию, и Ящер, посадив его в машину, взятую у приятеля, отвёз в Минск. Там за небольшую плату снял ему квартиру и со словами: «Сиди здесь, пока не позовём» уехал обратно в Москву.

Глава 7. Пьяный Минск

– А ты на дельтаплане летала? – спросил вдруг Кира, повернувшись всем корпусом к соседнему столику, за которым, как птичка на веточке, примостилась весьма привлекательная девица. Она картинно, оттопырив пальчик, держала чашечку кофе.

От неожиданности девица чуть не пролила чёрный ароматный напиток на своё ярко-красное, зовущее платье:

– На чём-на чём? На планере?

– Эх, темнота! В Москве уже каждый знает, что такое дельтаплан. А вы тут все: «Динамо, динамо!». Кроме футболистов, мужиков путёвых, что ли, нет?

Кира, как обычно, завтракал в кафе «Весна», которое славилось на весь Минск крепчайшим кофе и свежайшими пирожными – трубочками с заварным кремом. К тому же там присутствовали и сладости иного рода: всегда можно было пообщаться с какой-нибудь сговорчивой девицей, томившейся в надежде встретить одного из футболистов минского «Динамо». Почему именно здесь ловили футболистов, Кире было невдомёк, да и не очень интересно. Он пребывал в блаженном настроении – Минск ему очень нравился: чисто, красиво, спокойно, нет московской толчеи и ажиотажа. А уж обилие питейных заведений и беспрепятственный, опять же в отличие от Москвы, доступ в них приятно удивляли. Минчане быстро окунули его в свою разгульную жизнь. Вечер можно было не завершать – в шесть часов утра уже работал буфет гостиницы «Беларусь», а в восемь открывалось так полюбившееся Кире кафе «Весна» на Ленинском проспекте.

Так вот и сейчас очередная девица сидела как загипнотизированная и только шевелила губами каждый раз, когда Кира произносил это диковинное слово «дельтаплан», – всё пыталась повторить его. Заметив, что буфетчица прислушивается к ним, он заговорил громче, как бы приглашая и её. Буфетчицы в этом заведении были добрыми и понимающими тётками – обожали задушевные истории о несложившейся любви или карьере. Запросто могли налить в кредит приличному на вид, даже и незнакомому, человеку. Удивительно, что в Минске среди пьющей интеллигенции и на самом деле преобладали люди порядочные, исправно возвращавшие долги с обязательным букетом цветов или шоколадкой.

К разговору присоединились и другие посетители, а Кира, как обычно, оказался в центре внимания. Остроумно рассказанная история о погибшем Кравчуке и о том, как дельтаплан усовершенствовали и назвали его «Генерал Кравчук», вызвала бурное обсуждение. Под шумок Кира увёз красавицу-собеседницу, доходчиво объяснив, что он гораздо лучше, чем футболист, и устроит ей такой турнир, который она никогда не забудет. А после турнира он пообещал взять её с собой в «Пивную напротив университета» – ПНУ, или «Реанимация», как её называли завсегдатаи. Именно туда, помимо студентов, захаживали и бывшие спортсмены. Там шутили, что к вечеру в «ПНУ» «мастера» уже лежат, а «заслуженные» ещё стоят. В этих заведениях Киру знали все, а он мог перечислить основные регалии спортсменов: как бывших, так и действующих.

В общем, Кира наслаждался этим праздником, чувствуя себя на заслуженном отдыхе до тех пор, пока у него не закончились деньги. С удивлением обнаружив, что касса пуста, он закрутил и позвонил Ящери.

– Ну и долго мне здесь ещё отсиживаться? – раздражённо спросил он. – И, вообще, что дальше? Я ведь, кажется, безработный. Вернее, тунеядец. В нашей стране безработицы нет, как же я запомнил!

– Не дрейфь, сынок, – как обычно бодрым и уверенным голосом произнёс Ящер. – Косой вышел на контакт с людьми Босса, договаривается.

Кира понятия не имел, кто такой Босс и о чём с ним может договариваться Косой, его больше интересовала собственная судьба.

– А мне-то что прикажешь делать? Без денег и без работы!

В ответ он услышал раскатистый, как гром в майскую грозу, хохот Ящера:

– Коротка же у тебя память, мальчик! Забыл, как ты вообще о работе не хотел слышать, как топтал снег вокруг гостиницы, когда тебя внутрь не пускали? Забыл? Так я тебе напоминаю. А твою сытую жизнь кто устроил? Прокрути плёночку-то назад. И поймёшь, что не так ты велик, как тебе кажется. Или ты хочешь, чтобы тебя пасли, как с камешками?

Нет, Кира не хотел повторения страшной истории с поддельными бриллиантами. Он тут же сбавил обороты:

– Ну ладно, не обижайся. Я всё помню. Просто устал здесь сидеть в неизвестности. Хороший город Минск, да только я тут в гостях. Домой хочется, определиться как-то. Сунулся тут в местную интуристовскую гостиницу – так менты сразу заинтересовались, кто да откуда.

– Ты что, с ума сошёл? – вырвалось у Ящера. – Тебе нигде светиться нельзя. Тем более на чужой территории. История с Косым тебя ничему не научила?

– Да понял, понял. Без дел кисну, нагулялся уже.

– Вот теперь о делах. Иваныч своих не бросает. Ты уже, наверное, понял. Насколько я знаю, ты музыку любишь, хорошо в ней разбираешься, с нашими рокерами и джазистами близко знаком.

– Да, – озадаченно произнёс Кира, – а работа тут при чём? Музыка – моё увлечение, хобби.

– Так в умелых руках хобби может превратиться в работу, а лучше в бизнес, и неплохой, между прочим. Покруче, чем то, что ты до сих пор имел.

– Да ладно! Они нищие все, музыканты. Их никуда не пускают: ни на приличные площадки, ни на радио, ни на телевидение.

– А зачем им приличные площадки, как ты выразился? Есть просторы нашей необъятной родины. Там люди тоже хотят к культуре приобщаться. Именитые музыканты к ним не едут – вот и будешь возить второй эшелон, так сказать, тех, кто только пробивается.

– Они там кому-то нужны? Да и не позволят: в провинции свои райкомы и горкомы партии культурой заправляют.

– Не смеши меня. А то ты не знаешь, как дела делаются! Старшие товарищи научат, если сам не сообразишь. Но соображалка у тебя неплохо работает, насколько я помню. Пока тебе делать нечего, походи по ресторанам, с музыкантами познакомься, узнай, что да как. Какие коллективы есть, кто у них директор. Поиграй в «Алло, мы ищем таланты». Можешь представляться директором из МОМА.

– МОМА? А это что такое?

– Эх, темнота! Заиклился на шмотках, а люди серьёзные бабки куют. Московское объединение музыкальных ансамблей, сокращённо МОМА. Теперь понятно? Все музыкальные коллективы, которые хотят выступать в концертных залах или ресторанах, должны в нём зарегистрироваться. У нас же плановая экономика, а не бардак, как у загнивающих. У каждого ансамбля должен быть директор – формальный или реальный, кому что нужно. Этот самый директор замыкает всё на себя: организацию концертов и всё, что связано с этим, – заключает договоры, собирает выручку, сдаёт её государству, получает и выплачивает зарплату коллективу. Про себя, любимого, при этом тоже не забывает. Ну, как тебе такая перспектива?

– Да туда не пробьёшься, мне кажется. Своих хватает. И потом, у меня же образования музыкального нет, да и совсем никакого...

– Ты думаешь, я с тобой просто так эти беседы веду? Для утешения? Лови деньжата, перевою по почте. Хватит кутить, дармовые кончились. Это уже бизнес. Всё, что будешь от меня получать, вернёшь. С процентами. Я в бирюльки не играю. Как только нам сообщат, что к тебе претензий никто не имеет, берёшь билет на самолёт – и на родину.

Целую неделю Кира послушно ходил на концерты и по ресторанам. Теперь он почти профессиональным взглядом оценивал оркестр и солистов. Всё везде было как-то одинаково: музыканты лабали блатняк, популярную советскую попсу или итальянскую эстраду. Певцы старались добавлять хрипотцы в голос, а певицы со стеклянными глазами, в которых отражались только денежные знаки, попискивали, стараясь попасть в ноты. Скучно. Он не мог понять, почему в Белоруссии, славившейся своими ансамблями «Верасы», «Песняры», «Сябры», ресторанный репертуар не отличался от московского. На концерты этих мастеров народ просто ломился, билеты разлетались как горячие пирожки. А в ресторанах всё одно и то же...

Наконец Кира получил от Ящера разрешение вернуться. Вечером, перед отъездом в Москву, он был таким уставшим от бесконечных походов по «пьяному Минску», что решил из гостиницы никуда не выходить. Просто поднялся на седьмой этаж в ресторан «Седьмое небо», известный своей домашней кухней. Перед глазами поплыла селёdochка с картошкой и укропом, красиво разложенная в длинной узкой селёdochнице. А за ней – запотевшая стопка с холодной водочкой. Ещё в вестибюле он услышал всеми любимую, но уже порядком надоевшую «Лашате ми кантаре». Мужской голос с хрипотцой «под Кутунью» старательно выводил незнакомые слова.

«Интересно, – подумал Кира, – узнал бы заезжий итальянец в том, что произносил певец, родной язык? И знает ли сам исполнитель, что „Лашате ми кантаре“ означает всего-навсего „Разрешите мне спеть“?» Кира представлял, как ресторанные музыканты «снимали» слова песен на любом языке – сидя в наушниках и прослушивая оригинальное исполнение. При этом ни английским, ни тем более итальянским они не владели и, естественно, о чём сами же впоследствии пели, не догадывались. У них это называлось «петь на курином».

Ресторан был забит до отказа. Кира подошёл к администратору, который его уже хорошо знал, и специально для «очень дорогого гостя», как из-под земли, появился маленький столик. Засуетился официант, ловко прикрывая ослепительно-белой скатертью царапины и выбоины на деревянной поверхности.

Пока сооружался стол, Кира устало стоял в холле, опершись о косяк двери. Все звуки ресторана были хорошо слышны: позвякивание вилок о тарелки, гул голосов, редкие возгласы подпивших гостей. После небольшой паузы, сопровождавшейся вознёй на сцене, настройкой инструментов и обычного «раз-два» в микрофон, зазвучало вступление к песне «Сто часов счастья».

«Какая же всё-таки музыка, – подумал Кира, – просто жилы вытягивает!» Когда вступила певица, он застыл, как будто его ноги пригвоздили к полу. Это был голос Звезды, он не мог спутать. Уж чем-чем, а музыкальным слухом его боженька не обделил! Кира легко отличал живое исполнение от «фанеры» – не зря дружил с музыкантами, которые раскрывали ему множество своих секретов. О гастролях в Минске только начинавшей набирать силу певицы ему ничего известно не было. Он заглянул в зал. На сцене была вовсе не она. Маленькая, хрупкая девушка, с фигуркой, словно выточенной из фарфора, и каким-то простоватым и одновременно беззащитным выражением лица повторяла в точности все интонации Звезды. Тембр и звучание голоса были абсолютной калькой.

«Этот товар надо брать», – подумал Кира и направился к сцене.

В тот же вечер Кира не только договорился о своём участии в карьере певицы, но и влюбился до судорог. «Татьяна Худoley, – Кира повторял про себя имя певицы, – боже, как же неблагозвучно! Нужно будет придумать что-то другое». Девушку все называли Танюшкой, и ей

это очень подходило. Он не хотел отпускать её ни на секунду. Дал полчаса на сборы, сам позвонил её музыкальному руководителю и ночным поездом, не позволив допеть ресторанную программу, увёз в Москву.

Да, Кира был виртуозом по части убеждений и уговоров. У Танюшки была куча обязательств: помимо ресторана, днём она работала секретарём у директора рынка, а по выходным давала детям уроки игры на фортепиано.

Но Кира был для неё тем самым принцем на белом коне, и устоять не было ни сил, ни желания.

Глава 8. Сон наяву

Танюшка, наводя порядок в некогда холостяцкой квартире, напевала:

– Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, —
Милый взор зовёт меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

Всё, с её точки зрения, недостающее она докупила – слава Богу, зарабатывала всегда неплохо, а денежки не проматывала без нужды, копила на жильё. Она не стала скаредной, нет – по-прежнему всех угощала пирожками и капустой собственной закваски, но пиры на весь мир ушли в прошлое. К тому же жизнь с безалаберным Валеркой научила её думать о будущем. Стремление иметь собственный угол, чтобы не скитаться по съёмным, стало главным. А теперь, когда таким вот непредсказуемым образом это самое жильё, да не простое, а золотое – квартира в Москве, – само вдруг на неё свалилось, ей оставалось только преобразовать его в свою мечту.

Кира не вмешивался в Танюшкины действия: пусть делает что хочет, у него есть дела поважнее. Очень скоро квартира приобрела совершенно новый облик: на обеденном столе и на журнальных столиках красовались модные польские скатёрки, зеркала сияли серебром, люстра из искусственного хрусталя переливалась огоньками-самоцветами, чешские вазочки с выпуклыми затейливыми орнаментами хвастались искусственными цветами. В общем, в этой квартире воплотились все Танюшкины многолетние грёзы о собственном доме.

Но больше всего Киру радовали не Танюшкины дизайнерские наклонности, а божественные запахи, доносившиеся из кухни. Он уже забыл вкус домашней еды, а Танюшка была не только умелой хозяйкой, но и знатной поварихой. Кира находился на вершине блаженства. Он помирился с родителями и привёл свою избранницу на смотрины. Танюшка покорила семью весёлым нравом и практической жилкой. Она начала обшивать родню: сшила халат бабушке, шифоновую блузку маме, модный сарафан сестре Раисе, а папе связала мохеровый шарф, которым он потом многие годы гордился. Родители вздохнули с облегчением, поняв, что их непутёвый сын остепенился. Такой вот домовитой предстала перед их глазами будущая невестка, которая тем временем думала: «Хорошо, что они не знают, что я творила по молодости: всё раздавала, что имела. Бедный Васька, как он это всё терпел? Да и про Ваську не надо им знать, и про Валерку. Вон какие они правильные – попугайчики-неразлучники. Их отдельно друг от друга и представить невозможно».

Ящер не обманул: сразу по приезде из Минска Киру оформили директором одного из ресторанных ансамблей, а попутно научили, как и с кем работать по организации левых концертов. О, вот это была работа! Что там напитки в баре смешивать – здесь коктейли посерьёзней! Он быстро сколотил выездную бригаду из знакомых музыкантов – и пошло-поехало. Подмосковные посёлки, маленькие старинные города – Трубчевск, Углич, Киржач, Псков, Белозерск, Муром – слушали его концерты. Он даже начал переговоры о гастролях в городах покрупнее: Смоленске, Курске и Ростове-на-Дону.

Кира упивался своими успехами, которые охотно демонстрировал всем: и знакомым, и родителям, а самое главное – своей любимой. Теперь он хотел быть благодетелем для своей семьи. Доставал дефицитные билеты на концерты самых любимых артистов, затаривал родительский бар импортными напитками. Виски Red Label и коньяк «Курвуазье» были особой гордостью папы, который извлекал их из бара только по праздникам и, угощая гостей, как бы

небрежно бросал: «Кирка откуда-то притащил, чёрт». Это означало: «Нет, не зря я воспитывал этого негодника, терпел его выходки. Вот теперь как он меня балует...»

На какое-то время Кира даже забыл, что Танюшка хороший товар и её талант может принести навар в их будущую семью. Танюшка тоже не сильно рвалась на сцену, наслаждаясь тихой радостью семейного очага. К ним часто заходили друзья-музыканты и музыкальные «воротилы», как называл Кира авторитетных директоров. Только теперь это были семейные пары, и из музыкальной квартиры чаще доносились песни советских композиторов вместо сумасшедшего, расстраивающего психику соседей рока. Иногда из-за стены даже слышались аплодисменты, если Танюшка душевно исполняла романс на слова Анны Ахматовой или рвущую душу песню о неразделённой любви.

С соседями, которых, как известно, не выбирают, Танюшка познакомилась довольно быстро. По деревенской привычке она взяла за правило всех угощать то пирогами, то тортами. Приготовить на двоих она могла обед или ужин. Ну а если уж затевались пироги, без внимания никто не оставался. Танюшка просто звонила в квартиры нелюдимых москвичей и угощала лакомствами. Те сначала удивлялись, а потом привыкли.

Люди здесь разительно отличались от тех, с которыми она имела дело в своей прежней жизни. Соседка по лестничной клетке Галина Ивановна – математик – работала в Министерстве среднего образования, но совсем не походила на чванливую чиновницу. Она постоянно шутила и рассказывала анекдоты. Узнав, что Танюшкина родня живёт в деревне, она совершенно неожиданно вдруг спросила оторопевшую девушку:

– А чем удои отличаются от надоев?

Танюшка так растерялась, что чуть не уронила тарелочку с тортом «Наполеон», которым собиралась угостить соседку.

– А вот и попалась! – радостно воскликнула Галина Ивановна. – Слово «надои» происходит от слова «надо», – и весело засмеялась собственной прибаутке.

Хохотала она так заразительно, что Танюшка, не успев переварить шутку, тоже зазвенела своим серебряным смехом. Галина Ивановна, воодушевлённая успехом, задала следующий вопрос:

– А что общего между учёной женщиной и морской свинкой?

Танюшка пожала плечами.

– А вот и не знаешь, а вот и не знаешь! – как-то по-детски, как считалочку, пропела Галина Ивановна. – Морская свинка, во-первых, не свинка, а во-вторых, не морская. А учёная женщина, во-первых, не учёная, а во-вторых, не женщина. – И, не дожидаясь реакции, опять засмеялась.

Вечером Танюшка в лицах рассказывала Кире о событиях дня. Кира выслушал историю о весёлой Галине Ивановне и заметил:

– Весёлая-то весёлая, этого не отнимешь, но вообще-то, она серьёзный учёный, хоть и женщина. Помнишь задачник по геометрии для восьмого класса?

– Тоненький такой, в бумажном переплёте?

– Вот-вот. Так его Галина Ивановна написала. А ещё – кучу учебников по методике. Для преподавателей. В общем, она учителей учит. А анекдоты эти – для соседей, таких вот Танюшек, Валюшек, Милок.

Танюшка задумалась. Она ни разу в жизни не видела человека, который что-нибудь серьёзное написал – статью, книжку, – да и вообще писал... А тут учебник... Да ещё по математике, с которой Танюшка была не в ладах. Наверное, ей и готовить-то некогда – всё время думать надо, задачки решать. Она ведь и одеваться не любит – ходит в бесформенных балахонах. А на голове у неё что? Фиг какой-то. И Танюшка решила взять шефство над Галиной Ивановной. Связала ей модный кардиган и забрала на переделку два платья. Соседка просто не знала, как её благодарить: пыталась платить за услуги, но Танюшка упиралась.

Тогда Галина Ивановна, будучи человеком решительным, перешла в наступление:

– Знаешь что, дорогая? Я не привыкла никому быть обязанной. Если хочешь мне помогать, то будь любезна и получать соответствующее вознаграждение. Зарабатываю я прилично, а времени у меня на быт совершенно нет, ты правильно почувствовала. Если ты на мои условия не идёшь, то и я от тебя никакой помощи не принимаю. Ишь, богачка выискалась! Не работаешь ведь, от Кирилла зависишь.

Галина Ивановна была серьёзна: ни шуток, ни анекдотов, суровый взгляд из-под толстых линз очков.

– Галина Ивановна, миленькая, да меня Кира убьёт, если узнает! Он считает, что деньги зарабатывать – это исключительно его обязанность.

– Вот-вот. Все мужики – собственники. Они-то как раз очень хотят, чтобы мы от них зависели. Но мы же с тобой современные женщины. А в жизни каждой современной женщины что важно? Не-за-ви-си-мость. Заруби себе это на носу. Если ты материально обеспечена – выбираешь ты. А если зависима – ты болонка в его жизни. Может приласкать, а может и ногой пнуть, если надоела. И потом – зачем тебе посвящать его во все нюансы наших отношений? Мужчинам необязательно знать женские секреты.

Танюшка сдалась, и Галина Ивановна стала платить ей месячную зарплату – тридцать рублей, – определив круг обязанностей: приготовление ужина на каждый день, уборка квартиры раз в неделю. Все остальные услуги оплачивались отдельно. Танюшка была счастлива: не потому, что получала тридцать рублей, а потому, что такая великая женщина допустила её в свою жизнь. А зарплату она норовила истратить на ткани или мохеровые нитки, чтобы сшить или связать своей подопечной новый наряд. Более того, она сделала Галине Ивановне модную стрижку. Это она тоже умела: пока училась в музыкальном училище, захаживала иногда на занятия в соседнее ПТУ, готовившее парикмахеров.

Тогда Танюшке были смешны житейские советы, которые давала ей соседка: будучи одинокой, та не понимала, как это сладостно – быть на иждивении такого мужчины, как Кира. Ей было невдомёк, что Кира – приз за все Танюшкины разочарования и мытарства.

Эх, могла ли она предположить, во что выльется эта идиллия... А пока засыпала в состоянии абсолютного счастья, а просыпалась в ожидании новых сюрпризов от Киры. Что на этот раз? Квартира, заваленная розами? Она улыбнулась, вспоминая. Розы везде: на диване и кровати, на кухонном столе и плите, и даже в ванне – плавали, не давая помыться. Сколько времени и сил ушло на то, чтобы их подрезать, убрать шипы и красиво расставить, знала только Танюшка. Красивые серёжки с маленькими бриллиантиками? Тоже было. «Наверное, в „Берёзку“ поведёт, – думала Танюшка, – недаром же он вчера любезничал по телефону с женой директора, а потом добывал ей билет на концерт Валерия Леонтьева».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.